

功夫

МИХАИЛ РОТТЕР

Взрослые сказки
О ГУН-ФУ

Часть IV:
Все настоящее
одинаково

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Михаил Роттер
Взрослые сказки о
Гун-Фу. Часть IV: Все
настоящее одинаково
Серия «Восток: здоровье,
воинское искусство, Путь»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51622966

*Михаил Роттер Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть IV: Все настоящее
одинаково:*

ISBN 978-5-907059-98-6

Аннотация

Четвертая часть «сказок» построена как совершенно самостоятельная книга, так что читать ее можно и отдельно, но, учитывая, что повсюду «в главной роли» выступает один и тот же персонаж (мастер Минь), вместе с первыми тремя «сказками» будет наверняка интереснее.

В этой книге есть три весьма важных раздела, каждый из которых содержит весьма серьезную информационную «начинку». Один из них посвящен правилам поддержания и сохранения физического здоровья, принятым в традиционной

китайской медицине. Как есть, пить, спать, чего делать и чего не делать. Другой содержит «лекции мастера Мо» о Тай-Цзи-Цюань, причем не только о самом Тай-Цзи-Цюань, но и о способах его понимания и преподавания. И, наконец, самый важный касается методов духовного развития, успокоения ума и тому подобных вещей, позволяющих «прямо сейчас» сделать жизнь легче и проще.

Содержание

Вступление	7
Волшебный кот	10
«Ни здоровый, ни больной»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Михаил Роттер
Взрослые сказки о Гун-Фу
Часть IV: Все
настоящее одинаково

Серия «Восток: здоровье, воинское искусство, Путь»

© Михаил Роттер, текст 2019

© ООО ИД «Ганга», оформление 2019

* * *

Вступление

«Радость и горе неестественны для человечества. Естествен только покой, жизнь, наполненная блаженством».

Из книги Шри Муруганара «Падамалай» [9]

Кроме пустых развлекательных разговоров в этой книге есть три весьма важных раздела, каждый из которых (несмотря на «сказочную» форму изложения) содержит весьма серьезную информационную «начинку».

Один из них («Ни здоровый, ни больной») посвящен правилам поддержания и сохранения физического здоровья, принятым в традиционной китайской медицине. Как есть, пить, спать, чего делать и чего не делать.

Другой («Ничто не должно остаться непонятым») содержит «лекции мастера Мо» о Тай-Цзи-Цюань, причем не только о самом Тай-Цзи-Цюань, но и о способах его понимания и преподавания.

И, наконец, самый важный («Кажется есть, кажется нет») касается методов духовного развития, успокоения ума и тому подобных вещей, позволяющих «прямо сейчас» сделать жизнь легче и проще.

Несмотря на свою внешнюю простоту и безыскусность, изложенные здесь правила работают и их выполнение позволяет оставаться в нормальной физической и умственной

форме, причем без каких-то особых усилий. Сказочная же форма изложения выбрана для того, чтобы процесс чтения был простым и приятным.

Эта книга – четвертая часть «Взрослых сказок о Гун-Фу», выпущенных издательским домом «Ганга». Первая из этих «не сказочных сказок» была посвящена Ци-Гун [1д], вторая – Тай-Цзи-Цюань [2д], а третья – мудрости [3д].

Четвертая часть «сказок» построена как совершенно самостоятельная книга, так что читать ее можно и отдельно, но, учитывая, что повсюду «в главной роли» выступает один и тот же персонаж (мастер Минь), вместе с первыми тремя «сказками» будет наверняка интереснее. Еще одна книга [4д], которая дополняет «Взрослые сказки о Гун-Фу», хотя непосредственно не входит в число. В ней идет речь о молодых годах учителя мастера Миня – господине Ване.

Ни в одной из этих книг не идет речь ни о каких реальных событиях, не упоминаются никакие реальные люди и имена. Все персонажи вымышленные и никого им подобного «в природе не существует и никогда не существовало».

«Бхагаван: Рождение и смерть, радость и боль... этот мир и эго – существуют только в уме. Если ум уничтожен, все это также уничтожается. Обратите внимание, что он должен быть уничтожен, а не просто быть скрытым. Потому что ум находится в состоянии покоя в глубоком сне. Он ничего не знает. Тем не

мене, проснувшись, вы оказываетесь там, где были раньше. Стрaдание не прекратилось. Но если ум будет уничтожен, для страдания не будет основания, и оно исчезнет вместе с умом».

Из книги Шри Муруганара «Падамалай» [9]

Волшебный кот

Свамиджи: ...Да, человеческая душа может вернуться на землю в форме собаки или змеи или в форме какого-то иного животного. Но это лишь временное состояние, имеющее целью отработать или исчерпать некоторые склонности, что возможно сделать, лишь воплотившись в такое тело. Затем душа вновь возвращается в человеческое тело и начинает эволюцию с того уровня сознания, которого она уже достигла в своём предыдущем человеческом воплощении.

Чандра Свами Удасин, «Зеркало блаженства» [11]

Вы можете называть меня Мастер Минь. Вы можете называть меня учитель Минь или уважаемый господин Минь. Вы можете называть меня Ман Минь, и это тоже будет правильно, потому что Маном зовут моего отца, так что Ман Минь – это что-то вроде Минь Манович. Но я очень не рекомендую вам называть меня просто Минем. Ибо во Вьетнаме за такие вещи я бил морду, не спрашивая ни имени, ни фамилии и не выясняя «кто такой?», «откуда?» и «кто за тобой стоит?».

Правда, это было во Вьетнаме, где все знают, что называть человека просто по имени – это признак откровенного неуважения, а иногда и прямое оскорбление, в зависимости от контекста. Можно сказать «старина Минь», «дорогой Минь», «дружище Минь», «почтенный доктор Минь», в об-

щем, как угодно, только не просто «Минь». Даже моя дорогая мама никогда так не говорила. Обычно она называла меня «мой дорогой сыночек Минь».

Правда, иногда Минем меня называл отец. Когда он так говорил, можно было бежать куда глаза глядят, ибо рука у него была тяжелая (настоящая мастерская рука), и слово «Минь» в его устах означало, что провинился я настолько, что даже не заслужил, чтобы меня называли по-человечески. А вот хорошую трепку заслужил вполне. Кстати, ни дед, ни учитель Ван меня так никогда не называли. Впрочем, у них были другие методы...

Так что когда я поехал учиться в Союз, я всем представлялся, как Миша. Ибо долго и нудно объяснять кому-то все эти вьетнамские тонкости... Правда, паре своих тогдашних учеников – Володе и Саше – я рассказал об этом, но и для них я был Мишей. А что, хорошее имя, мне нравилось, я к нему так привык, что иногда даже в мыслях называл себя именно так.

И вот представьте себе картину. Я, вьетнамский мастер Минь, выхожу утром из дома (а живу-то я сейчас в Ирландии) и вдруг слышу, как кто-то кричит на чистом русском языке: «Миша, не бей его! Миша, не трогай его! Миша, дай ему тоже покушать!» Вчувствуйтесь: вьетнамец, живущий в Ирландии, вдруг слышит русскую речь. И самое смешное: вьетнамца зовут Миша и он прекрасно понимает эту самую русскую речь. Мало того, вьетнамец очень даже не против

побить кого-то. Правда, есть одно «но». Я сегодня никого не бил, никого не трогал, а еду я в жизни ни у кого не отнимал. Как можно отнять у человека еду?! Убить – пожалуйста, этому меня учили, сколько я себя помню. Убивать и лечить – две стороны одной медали. Это я умею. Очень хорошо умею. Хотя убивать я с некоторых пор не люблю. Но отнимать еду... Вьетнам бедная страна и отношение там к еде совсем не такое, как здесь. Азия – это вам не Европа. У нас жизнь человеческая ничего не стоит: хочешь убить – убей, это нормально. Например, в джунглях непривычному человеку рекомендовалось не ходить без сопровождающего по очень многим причинам. Но одно правило считалось особенно важным: в джунглях одинокого путника могут убить, если кому-то покажется, что его имущество стоит дороже автоматного патрона. Так что «убить» – это вполне в рамках традиций, а вот отнимать еду – это как-то даже неприлично.

Так что «Миша, дай ему тоже покушать!» – это не ко мне. Разумеется, мне стало интересно, кто тут может знать, что я не учитель Минь, а Миша. Про «Мишу» я здесь говорил только одному человеку – начальнику городской полиции, капитану О'Коннору. И то по случаю, уже после того, как мы подружились и он с глазу на глаз начал называть меня на ирландский манер Мичилом. Он сказал, чтобы я не сомневался, что это хорошее имя, что так зовут его старшего сына и что означает оно «Тот, кто походит на Бога». Вот тут-то я и рассказал ему, что когда я учился в Союзе, то звался

Мишей. Что означало это имя я, разумеется, не знал, но меня просветил мой тамошний ученик Володя. Оказалось, что его отчество Михайлович и поэтому значение имени Михаил ему известно с детства. В переводе с иврита это означало не более и не менее, как «Подобный Богу». «С таким именем можешь ехать куда угодно», – говорил Володя. – «Будешь Майкл, Мишель, Мигель, Микеле, Михай, Микаэль. Нигде не пропадешь».

То, что я нигде не пропаду, я и сам знал, но что я попаду в Ирландию и капитан О'Коннор «обзовет» меня точно так же, только на ирландский манер, я и предположить не мог. Но «Покровитель воинов» (именно так переводится фамилия «О'Коннор») точно был не из болтливых. Ведь он не просто «покровитель воинов», он *потомственный* покровителей воинов (префикс «О'» перед ирландской фамилией означает «потомок»). Имя у него тоже под стать фамилии: Мерфи – «морской воин». В общем то, что знал капитан О'Коннор, знал только капитан О'Коннор. Поэтому кто тут мог знать, что Миша – это мое второе имя, мне было совершенно невдомек.

Впрочем, все стало понятно ровно через секунду. Какая-то старуха кормила бездомных котов, которых созывала на кормежку по именам. Имена котам она точно давала сама, потому что все имена были русские. Интересно, как русская старуха могла очутиться в Ирландии? Впрочем, не мое это дело. С тем же успехом можно спросить, как в Ирландии

очутился вьетнамский мастер Минь. Судьба.

В общем, «обычная» русскоязычная ирландская старуха. Видимо, поговорить здесь на родном языке ей было не с кем, вот она и говорила с котами. Услышав русскую речь, мне так захотелось проверить, насколько я ее помню, что я, несмотря на свою нелюбимость и нелюбовь к пустым разговорам, пошел к старухе знакомиться. Заодно и узнаю, кто такой Миша и кого он с раннего утра уже успел обидеть. Все, как всегда, оказалось очень просто. Коты, которых кормила старуха, были самые обычные. Кроме одного. Как такой «выставочный экземпляр» мог оказаться на улице я и представить себе не мог. Моего любимого дымчато-серого цвета с большущими, янтарного цвета глазищами. Если бы я увидел глаза такого цвета у женщины, то подумал бы, что с контактными линзами она явно переборщила.

Разговор со старухой сразу пошел мне на пользу. Я начал вспоминать слова, которые, как мне казалось, уже забыл. А смешному слову «переборщить» меня научил Володя. Помню, тогда я еще вполне серьезно спросил его: «Если можно переборщить, то, наверное, можно и пересупить или перекомпотить?»

А кот Миша был хоть куда. Я не знаю насколько он был велик на самом деле, но из-за длиннющей шерсти он казался просто огромным. Хвост был, я думаю, толщиной в мое предплечье. Сколько могла стоять такая зверюга я боялся себе даже представить. В общем, похожий на лорда кот с совер-

шенно бандитским взглядом и такими же ухватками. Впрочем, подобными ухватками, по моему мнению, и должен был обладать настоящий лорд. Кто как не британские лорды создали «империю, над которой никогда не заходило солнце»?!

В общем, «его лордство» просто разогнал всех прочих котов, которые сбежались на старухино угощение, и именно к нему старуха обращалась со словами: «Миша, не бей его! Миша, не трогай его! Миша, дай ему тоже покушать!» Правда, Миша обращал на ее крики столько же внимания, сколько и на кошек, которым он не «давал кушать».

В общем, настоящий мастерский кот: совершенно независимый, абсолютно невозмутимый и явно с полным отсутствием страха. Я присел на корточки и погладил его по голове. Голова была лобастая, пушистая и очень приятная на ощупь. А какие у него были усы и бакенбарды!

Кот перестал жрать и поднял на меня глаза. Судя по его взгляду, в прошлой жизни он вполне мог быть человеком, даже мастером, причем далеко не из последних. Такой взгляд мой дед и учитель Ван называли «взглядом тигра». А они понимали: дед был патриархом нашего семейного «стиля тигра», а Ван так тот просто зарабатывал на жизнь охотой на этих зверей. Причем охотился он на них с луком и с ножом. И судя по тому, что в свои более чем преклонные годы он был жив и здоров, ему это вполне удавалось. Так вот, оба они говорили, что домашний кот по повадкам ничем не отличается от настоящего тигра. И что будь он размером хоть

немного побольше, в деревне не осталось бы ни одной собаки.

Тут за моей спиной истошно заверещала старуха: «Что вы делаете, молодой человек?! Он только кажется таким домашним, он никому не позволяет к себе прикасаться. Он же вас в кровь исцарапает!»

– Какая смешная старуха, – подумал я. – Он никак не успеет, потому что я мастер рукопашного боя и я быстрее его. Я отдерну руку, прежде чем он успеет меня цапнуть. Знаю, не раз проверял. Это не очень сложно, ведь кот наверняка не быстрее змеи, а учитель Ван говорил мне, что рука мастера рукопашного боя движется в 3–4 раза быстрее головы змеи, бросающейся на жертву. Не знаю, откуда это ему было известно, но точно знал, что он говорит правду. Он никогда не говорил о том, чего не знал досконально. Когда я стал постарше, я попытался заикнуться о том, что никто не может сопоставить скорость броска змеи и скорость удара мастера. Ван только усмехнулся и внушительно сказал: «Я могу».

Кроме того, я точно знал, что отдергивать руку мне не придется, ведь я мастер Ци-Гун и сейчас у меня из ладони, которой я глажу кота, энергия Ци просто прёт. Эта техника так и называется: «излучение Ци вовне». Можно сказать, что я делаю ему Ци-Гун-массаж. Ему наверняка нравится. Коты такие вещи чувствуют лучше, чем люди. Хотя, смотря какие люди. Я, например, чувствую Ци прекрасно. Я чувствую не только энергию взгляда, направленного мне в спину, я чув-

ствую даже когда и как человек собирается меня ударить. И никогда не ошибаюсь. Потому и жив до сих пор.

Кот от Ци-Гун-массажа просто обалдел. Он даже (невиданное дело!) перестал жрать и принялся довольно урчать. В общем, коту явно понравился Ци-Гун-массаж, а мне столь же явно понравился кот. Оставалось только проверить, «мой» ли это кот. Ну, это-то было проще всего. Я встал, очень вежливо попрощался со старухой и пошел по своим делам. А шел я в магазин за покупками. После отъезда Мо, который был не только наставником Тай-Цзи-Цюань, но и блестящим поваром, каждый день готовившим что-то новое и неопишимо вкусное, мне приходилось самому заботиться о собственном пропитании. Энергия Ци – это, конечно, прекрасно, но даже такой мастер Ци-Гун, как я, хочет есть. Хотя почему «даже». Не «даже такой», а «именно такой». Я молод и полон сил. Я хочу много и вкусно есть, я люблю дорогие сигареты и не прочь выпить, мне нравятся здешние высокие пышные красотки (странно, кстати, почему они мне почти никогда не отказывают, ведь я маленький вьетнамец и многие из них на полголовы выше меня).

Проверка под названием «мой ли это кот» была основана на том, что кот – это чрезвычайно независимое животное. А этот кот – вообще «чемпион по независимости». Если пойдет за мной, значит – мой зверь. Не пойдет, – я его пойму, – я сам всю жизнь «хожу, где вздумается и гуляю сам по себе».

Кот, как ни странно, пошел. Шел он, кстати, тоже совер-

шенно мастерски: он следовал за мной буквально по пятам, ухитряясь при этом выглядеть настолько самостоятельным, что когда я смотрел на него, то представлял себе только два варианта: либо он меня знать не знает и «гуляет сам по себе», либо он меня все-таки знает и в виде огромного личного одолжения вывел меня погулять.

Вел я его в магазин, где продавали корм для животных. Хотя, пардон, какой там «корм». Эта зверюга выглядела так барственно, что она могла только «кушать» или «вкушать».

В магазине я поступил по своей старой привычке, которая выработалась у меня еще во времена войны, когда я «работал шпионом» в Сайгоне. Денег тогда у меня очень было много (не спрашивайте, откуда, сейчас я никак не хотел бы добывать их тем же способом), так что и привычки у меня были соответствующие. Покупал я тогда очень просто: требовал только самое дорогое. Так я поступил и в этот раз. Зайдя в «звериный» магазин, я попросил самый большой пакет самого лучшего и дорогого кошачьего корма. Я с самого начала решил, что если возьму этого кота (хотя, может, правильнее будет сказать: «если они соизволят оказать мне честь поселиться у меня»), то буду относиться к нему с полным уважением. Кот – это тот же тигр, только маленький и не полосатый. А замашки у него «один в один». Так что будет у меня «тотемный зверь» моего родного стиля тигра.

А с пакетом я, конечно, дал маху. «Самый большой» пакет (я бы даже назвал его мешком) оказался таким большим, что

весил, наверное, немногим меньше, чем я. Впрочем, сколько я там вешу? Ну, может, килограммов пятьдесят. Нет, пакет, пожалуй, все-таки был полегче, это, скорее, я разленился и отвык от тяжелой физической работы. Вместе с пакетом я купил и миску, конечно, самую большую, красивую и дорогую. Честное слово, я и сам бы из такой ел. А та старая глиняная посуда, из которой ел мой дорогой учитель Ван, вообще ни в какое сравнение не шла с этой роскошью.

И тут на меня напал дикий, как врач, я бы даже сказал, истерический, хохот (дело в том, что с некоторых пор посмеяться я люблю чуть ли не так же, как и поесть). Сам почтенный учитель Ван ел из какой-то старой плошки (он говорил, что он настолько уважаемый человек, что может позволить себе носить что угодно и есть из чего угодно), мне же он выдал из своих бездонных сундуков весьма изысканный «посудный комплект». И только теперь до меня дошло. Он тогда относился ко мне так же, как я сейчас отношусь к этому коту. По принципу: «Мой кот (или мой ученик) должен есть из самой красивой миски». В общем, когда я смог прекратить хохотать, я извинился перед продавщицей, объяснил, что я не сумасшедший, расплатился, забрал мешок с кормом, миску и вышел на улицу. Кот был на месте. Я вспо-рол мешок (уже много лет я не выходил из дому без ножа), насыпал немного корма в ладонь, попробовал сам (должен же я знать, чем кормлю зверюгу) и протянул остаток коту. Тот очень аккуратно взял корм с ладони и принялся есть.

Когда он доел, я положил пакет на плечо и мы отправились домой. Было похоже, что у меня появился кот. Как я буду его звать я пока не знал. Ну, не Мишей же. Хотя, почему нет, я ведь тоже немного Миша.

Кот оказался «волшебным», я бы даже сказал «учительским»: он дал мне урок Гун-Фу. Когда он в очередной раз «завис» в прыжке, пытаясь сбить передней лапой муху в полете, я вдруг вспомнил вопрос, который в раннем детстве задал мне дед: «Чем бьет тигр, когда бьет лапой?» Он не ожидал, что я отвечу на этот вопрос, он просто велел мне думать. Мне думать над таким мелочами было некогда, мне хотелось бегать и прыгать вместе с соседскими мальчишками (что у меня плохо получалось, потому что меня все время заставляли тренироваться), а не думать про всякую чепуху.

Поэтому про дедов вопрос я сразу забыл. Дед же больше не спрашивал. То ли тоже забыл (в чем теперь я сильно сомневаюсь, ибо на память он не жаловался и ничего из того, что считал важным никогда не забывал), то ли ждал, пока я сам пойму. Ну вот, не прошло и тридцати лет... Или все-таки уже прошло?

Теперь глядя на кота (который, исключая, разумеется, раскраску, есть несомненно точная «модель» тигра в масштабе примерно 1:10), я понял, что имел в виду дед и мог ответить на его вопрос.

Все было просто: тигр бьет тигром. Я смотрел на кота Ми-

шу и точно видел, что он бьет не одной лапой, а всем котом, вплоть до роскошных усов. Получается это у него за счет исключительной мягкости. Обычный человек так не может, потому что у него тело жесткое и оно не пропускает через себя силу и энергию. Поэтому для человека удар рукой означает именно удар рукой. У кота же как бы вовсе нет лапы, он не обращает на нее внимания потому что бьет не ею, а всем телом, всем своим естеством, бьем всем котом. А лапа всего лишь выводит наружу всю эту целостную силу. И чем меньше лапа будет в этом участвовать, чем меньше ее будет, тем меньше она будет тормозить удар и тем сильнее он получится.

Вскоре «волшебный» кот «расплатился» за свою кормежку. Причем, расплатился по-королевски – идеей. Дело было в том, как он ел. Английский язык бедный, в нем для обозначения важнейшего процесса еды есть всего одно слово «to eat», что означает «есть». Есть, правда, еще пара слов, например «to fress», означающее «жрать», но им почти не пользуются, да и само слово не английское, кажется, оно происходит из немецкого. Я, как человек, любящий хорошо поесть, интересовался. В общем, бедный язык.

То ли дело русский. Когда мой советский ученик Володя, которому я обязан тем, что говорю по-русски, хоть и с заметным акцентом, но как образованный человек, а не как вьетнамец, закончивший подготовительные курсы, услышал, как я говорю «кушать», он тут же провел для меня ликбез.

Перед этим он даже объяснил что такое «ликбез».

Оказалось, что в русском языке основной «ряд» для обозначения процесса питания примерно такой: «кушать – есть – жрать». А «не основной» меня просто потряс: вкушать, потреблять, лакомиться, питаться, поглощать, лопать, трескать, уписывать, уплетать, набивать брюхо, закусывать, перекусывать, столоваться, трапезничать. Был и отдельный «ряд»: завтракать, полдничать, обедать, ужинать. Тут были даже выражения, связывающие желудок с душой: «не могу есть: душа не принимает»; «поел, отвел душу»

Так вот, когда я смотрел, как кот «кушал», у меня возникла идея. В последнее время у меня стало появляться все больше пациентов. И среди них было немало богатых дам, для которых лечение было не столько лечением, сколько способом «культурно и с пользой» провести время. Так вот, их очень заботили собственное здоровье и сохранность фигуры. И потому они постоянно спрашивали меня, что им «кушать» и вообще что им нужно делать, чтобы всегда быть здоровыми и красивыми. Вот с подачи кота Миши я и решил написать «краткие наставления», чтобы сто раз не повторять одно и то же.

«Кормите человека правильно, и вы сделаете его добродетельным и эффективно работающим; кормите его неправильно, и он превратится в грубое неразумное животное, пессимиста, преступника, а может стать, и в инвалида. Случаются, конечно, исключения из этого

правила, но они редки. Правильно подобранная диета очень помогает человеку быть человеком, а затем из человека превратиться в сверхчеловека; неправильная диета может низвести человека до уровня грубого животного.

Вы сами должны тщательно изучить, какая еда лучше всего поддерживает ваше физическое тело и позволяет вашему уму быть спокойным и чистым. При любых обстоятельствах надо стараться избегать той пищи, что вызывает запоры или же делает вас беспокойным.

Кроме того, пища, которую принимает ученик, должна быть как можно более чистой. Таковой считается пища, заработанная честным путем, приготовленная и поданная с любовью и преданностью Богу».

Чандра Свами Удасин, «Зеркало блаженства» [11]

«Ни здоровый, ни больной»

«О, врач! Сказано, что прежде чем идти исцелять других, нужно быть врачом для самого себя, так что сперва исцелись сам, а потом приходи.

В самом деле, как тот, кто не знает, как диагностировать и вылечить свою собственную болезнь, может вылечить нещадную болезнь других?»

Из книги Шри Муруганара «Падамалай» [9]

ДОКТОР МИНЬ

Само собой, когда я только переехал в Ирландию, пациентов у меня не было. Ну, разве что кто-то из вьетнамцев, которые попали сюда раньше меня. Впрочем, я и сам не слишком стремился создавать себе врачебную практику. С одной стороны, учитель Ван выдал мне с собой очень приличную сумму, которая позволяла мне достаточно долго не работать, совершенно при этом не бедствуя и не думая о деньгах. С другой стороны, совершенно неожиданно мастер Мо взялся обучать меня Тай-Цзи-Цюань и мне было не до того, чтобы кого-то лечить. А с третьей стороны (интересно, а бывает третья сторона?), мне было просто неохота.

Но у меня было незыблемое правило: если ты врач, то ты

ни под каким видом не имеешь права отказать обратившемуся к тебе человеку. По этому поводу Ван говорил мне вполне определенно: «Не хочешь быть врачом, иди в бандиты (у тебя замечательно получится), иди в дворники, или в грузчики. Хотя ты такой ленивый, что нормального грузчика из тебя не получится. Но если взялся лечить – лечи. Врач не может «кинуть» человека, который обратился к нему за помощью».

Уже попав в советский мединститут, я познакомился с клятвой Гиппократата. Ничего не скажешь, красивая клятва, дающая к тому же весьма практичные советы: как обучать врачебному искусству, как лечить, как относиться к больным. Говорится там и о том, чего не нужно делать: не лезть не в свое дело, не болтать попусту, не позволять себе лишнего с пациентками. В общем, правильная клятва (Гиппократ не забыл отметить даже то, что необходимо почитать того, кто тебя научил врачебному искусству), только я, увы, видел не так много врачей, которые следовали этим заповедям. Видимо, им объясняли не так доходчиво, как мне объяснял Ван. И не так наказывали, если кто-то чего-то не понял...

Впрочем, это обычное дело. В школах У-Шу тоже есть масса наставлений о том, как должен вести себя человек, практикующий воинское искусство, а тем более сам обучающий ему. Там есть не только запрет на драки на улице, это подразумевается само собой; там есть даже наставление «будь сладок в речах». При этом практически все, без ис-

ключения, вьетнамские хулиганы очень усердно занимаются боевым искусством (это ж каким надо быть идиотом, чтобы браться учить эту босоту), а сладкими в речах они бывают только когда запугаешь их до полусмерти. В общем, правильные наставления – это одно, а их реализация – совсем другое.

Возможно, именно ввиду моей «безотказности» ко мне стали заходить люди. Прием у меня был очень скромный, потому что врачебной лицензии у меня не было и принимал я дома. Дома у меня, кстати, тоже не было, так что спасибо мастеру Мо, в квартире которого я жил после того, как он уехал.

Набор игл у меня всегда был с собой, поэтому кроме кушетки, на которой мог бы лежать пациент во время сеанса иглоукалывания, мне больше ничего не было нужно. В общем, я завел несколько чистых простынь, после чего решил, что вполне могу начинать лечить.

Видимо, лечил я достаточно успешно, потому что, несмотря на полное отсутствие рекламы (интересно, как бы я мог себя рекламировать, не имея лицензии), поток пациентов постоянно увеличивался. Один «излеченный» сообщал обо мне своим друзьям и знакомым и постепенно пациентов стало столько, что иногда мне приходилось работать целых полдня, что для такого лентяя, как я, было подвигом.

Определенной таксы у меня не было. Для каждого чело-

века цена была своей. С богатых пациентов я брал не слишком большие, но заметные деньги, тут деваться некуда, мне тоже нужно жить. Если мне казалось, что у человека затруднения, я лечил его бесплатно. Своих хороших знакомых я, разумеется, тоже лечил бесплатно. А если ко мне приходили совсем бедные люди, я сам давал им деньги на хорошее питание. Логика вполне понятна. Если я врач и взялся за лечение, то должен сделать все, чтобы достичь результата. Если ему нужна еда, я должен сделать так, чтобы она у него была. Кстати, ничего нового я тут не придумал, именно так поступали дед и учитель Ван. Дед говорил мне так: «Все люди одинаковые. И если врач для того, чтобы он мог хорошо лечить, должен быть сыт, то и больной для того, чтобы он мог хорошо выздоравливать, тоже должен хорошо питаться». Логика была железная, с такой не поспоришь.

Откуда у меня появилось чувство противника вполне понятно: меня с детства учили рукопашному бою лучшие учителя Вьетнама – мой собственный дед и мастер Ван. Откуда у меня взялось чувство опасности тоже понятно – я воюю с восемнадцати лет и не будь у меня такого чувства, меня самого не было бы в живых, причем давно. Откуда я безошибочно знал когда человек мне врет, как я мог чувствовать его эмоции тоже было ясно, – я же мастер Ци-Гун. А вот откуда у меня было «чувство денег» было совершенно непонятно. Впрочем, почему это непонятно? Богатый человек излу-

чает вовне некую уверенность, я бы еще назвал ее энергией богатства. Возможно, именно ее я и чувствовал. Кстати, когда я во время войны был «шпионом» в Сайгоне, у меня была своя собственная денежная единица, которую я называл «полные карманы денег». И когда я говорю «полные карманы», то имею в виду именно это. И под словом «деньги» в те времена я подразумевал только доллары. Откуда у бедного шпиона могло быть столько наличных? Тут было все просто: я отбирал их у американских офицеров, которые не в то время и не в том месте решали прогуляться пешком перед сном. Не спрашивайте, что случилось с ними, когда они, на свою беду, встречались на пустынной улице с мастером Минем. Скажу только, что у каждого из них была при себе приличная сумма наличных и ни разу я не нарвался на «пустого клиента». В общем, «чувство денег» у меня совершенно безошибочное, причем как на наличные, так и «на вообще». Но, честно говоря, я на эту свою способность не обращал никакого внимания. Во-первых, деньги меня не слишком волновали, ибо я человек к накопительству совершенно не склонный. А во-вторых, и дед и мастер Ван учили меня так: «В Ци-Гун не принято обращать внимание на так называемые особые способности. Если человеку положено иметь какие-то дополнительные возможности, нужные ему для работы, то они у него будут. Например, если мастер Ци-Гун занимается лечением, то он должен «видеть-слышать-чувствовать» болезнь или травму, ведь рентгеновского аппарата у

него нет. Так что особые способности для работы – это нормально. Если человек думает о них, стремится к ним, гордится и хвастает ими, то это плохо, ибо вполне может отвлечь его от главного, может возвысить его гордыню, направить его по кривому пути. Есть они у тебя – благодари Небо, пользуйся ими и помалкивай. Нет их у тебя, значит они тебе не положены. В общем, есть они у тебя или нет, не имеет никакого значения. В любом случае наплюй на них и забудь».

Именно так я и поступил: наплевал, забыл, но пользовался. Так что система оплаты у меня была простая: люди побогаче платят столько, чтобы я мог не думать о собственном пропитании и помогать тем больным, которые в этой помощи нуждаются. Никаким благотворителем я себя не считал. Копить деньги мне не нужно, на кусок хлеба я себе всегда заработаю.

Кстати, о богатых пациентах. Это была достаточно непростая публика. Дело было в том, что азиатские врачи здесь никакой популярностью не пользовались. И не потому, что они плохие, а потому, что про них тут никто не знал. Так что если богатый человек решался пойти лечиться к «дикому азиату», то это означало, что все возможности здешней медицины для него были уже исчерпаны. Да и не только здешней. Большинство таких людей уже объездили всю Европу. Особенно мне нравилось выслушивать их рассказы о том, как они лечились у такого-то профессора в Италии, у такого-то профессора в Германии, у такого-то профессора еще черт

знает где. Конечно, я человек терпеливый и ни разу не сказал, что, во-первых, я не знаю этих людей, а во-вторых, если это такие знаменитые врачи, то зачем было идти к скромному вьетнамцу вроде меня?!

Мало того, они притаскивали мне свои рентгеновские снимки, пачки анализов и рецептов. Вот тут-то мне и пригодились медицинское образование, полученное в Союзе. Учили нас хорошо, а я, зная, что это моя специальность, старался изо всех сил. И теперь я был на коне. Это был мой козырь: я одновременно был и восточным, и западным врачом. А на стыке наук, как известно...

Вообще я немало размышлял о различии между европейским и азиатским врачами. Европейский врач – это человек «системы». У него есть возможность послать человека на анализы (крови, слюны, мочи, кала, всего чего угодно), отправить его на рентген, УЗИ, фиброскопию. Он может отправить пациента на консультацию к врачам смежных специальностей: кардиологу, хирургу, гастроэнтерологу и так далее, и так далее. Если он не «управляется» с больным амбулаторно, он может положить его в стационар. И, наконец, за ним стоит могучая фармацевтическая промышленность, в которую «вбуханы» миллиарды.

А что стоит за азиатским врачом? Кроме древней традиции, его учителя и его собственного мастерства – ничего. Конечно, он тоже может проконсультировать больного с коллегами, но они такие же специалисты «широкого профиля»,

как и он. В общем, он остается один на один с болезнью. Говорят, раньше и в Европе были такие врачи – мастера на все руки. Но где-то в начале XX века они стали исчезать и их постепенно заменила «система».

Я не знаю, как лучше и как правильнее, скорее всего, и так, и так правильнее. Но лично мне ближе и удобнее «один на один»: тигр – животное одинокое. Да и пациенту со мной легче: я не посылаю его делать кучу анализов, не отправляю его на рентген и на УЗИ. Если больной мне приносит результаты обследований – прекрасно, иногда это очень помогает. Если нет, тоже прекрасно – я сам себе и лаборатория, и рентген, и УЗИ.

Однажды ко мне на лечение попала очень колоритная мадам. По своей давней привычке я давал людям прозвища, которые очень часто приклеивались пожизненно. Эту красотку я прозвал Дамочкой или Фифой.

Когда Дамочка пришла ко мне, она была действительно больна. Болезнь у нее была не страшная, но причиняла ей некоторые неудобства. Западная медицина такие заболевания лечит с трудом, а восточная – вполне. Так что вылечил я ее за десять сеансов иглоукалывания. На самом деле я управился за 3–4 сеанса, но меня учили сурово: если положено при такой болезни ставить иглы десять раз, то будь любезен поставить их именно десять раз. Оно и правильно. Я мастер Ци-Гун, у меня через иглы идет энергия, так что у меня все происходит намного быстрее. А обычному иглотерапевту

как раз десять сеансов и потребовалось бы. В общем, все было правильно. Да я и не возражал, ибо понимал, что лечить нужно качественно, так сказать «с запасом». Как сейчас помню наставления (он повторял их десятки раз в разной форме, но никогда не менял сути) учителя Вана: «Или ты лечишь, как тебя учили, лечишь, как положено, лечишь со всем старанием, или ты складываешь иглы в коробку, берешь метлу и тщательно подметаешь двор перед моей хижинкой. От хорошего подметальщика больше пользы, чем от плохого врача. Или, по крайней мере, меньше вреда». Эти слова я запомнил твердо. Ван был чрезвычайно молчалив и никогда не говорил попусту. А если ученик не понимал его слов, то он действительно брал вместо игл в руки метлу. И горе ему, если у порога хижинки Вана оказывался мусор. В этом случае Ван сам мог не полениться взять в руки метлу и так ею «поучить», как он сам выражался, «ленивца», что тот неделю охал. Причем, (вот что такое истинное мастерство) без всякого вреда для здоровья ученика. Он говорил так: «Болят – это хорошо. Очень болят – очень хорошо. Это на пользу. А вот болеет – это нехорошо, это очень плохо. Учительские побои должны приносить ученику только пользу».

В общем, за десять сеансов Дамочку я вылечил. Но не вылечил. Точнее, вылечил, но ей показалось, что ей нужно полечиться еще. Если проще, то у нее было еще одно заболевание. Точнее, не одно, а целых два: жуткая мнительность и

вечное недовольство всем и всеми. Со стороны казалось, что у нее все прекрасно: собственный бизнес, красивый двухэтажный дом с садиком, машина с водителем и семья: две дочери и муж, надо сказать, весьма представительный (я видел семейную фотографию). В общем, полный джентльменский (или нужно сказать «джентльвуменский»?) набор. Но дело было не во всех этих внешних вещах, в побрякушках вроде машины и представительного мужа, дело было в дурном нраве, в привычке вечно быть недовольной и «безо всякой жалости жалеть себя».

В общем, ее социальная жизнь и бизнес были вполне урегулированы, все шло само собой и особого ее вмешательства не требовало. И потому всю свою неукротимую энергию бизнес-леди она направила на поддержание своего здоровья. А так как мне удалось достаточно быстро и успешно вылечить ее, она стала звонить мне почти каждый день и консультироваться со мной по поводу своего самочувствия.

И очень скоро мне стало понятно, что вылечить ее невозможно, потому что, как минимум, раз в месяц у нее возникала новая «болезнь», которая требовала моего неотложного внимания. Я ставил ей иглы и после первого же сеанса ей становилось легче. Еще бы, она была совершенно здорова, просто ей нравилось быть больной, лечиться, быть при деле.

Вообще-то, я умею ставить иглы практически безболезненно. Когда я ставлю их в ухо, пациенты часто думают, что я только массирую его и спрашивают, когда же я начну непо-

средственно сеанс иглотерапии. А на самом деле ухо уже давно утыкано иглами до такой степени, что напоминает крохотного ежа. С Дамочкой все было иначе. Про этот тип больных мне рассказывал учитель Ван: «Таким людям нужно ставить иглы так, чтобы они чувствовали, что их лечат. У них болезнь не в теле, а в голове. И боль от иголок временно отвлекает их ум от мыслей о болезни, ибо человек вместо того чтобы думать о том, какой он больной и несчастный, начинает думать о том, как его хорошо лечат. В общем, смысл в том, чтобы переключить пациента с мыслей о болезни на мысли об излечении. Так сказать, обмануть его ум».

Кроме болезней у Дамочки был еще один пунктик – питание. У нее даже был собственный повар. Самый настоящий французский шеф-повар. Она говорила про него так: «Поля был шеф-поваром в нескольких парижских ресторанах. Но нигде не ужился, – интриги. Он такой классный повар, что ему все завидуют».

Я столько наслушался про этого Поля и про его неописуемого качества еду, что мне стало интересно посмотреть на него и самому попробовать его стряпню. Поэтому я напросился к Дамочке на обед. А что, развлекусь, хорошо поем новой незнакомой еды и, может быть, даже чем-то смогу ей помочь. Перед тем, как идти в гости я отправился в фирменный магазин и купил себе самый дорогой костюм, самую дорогую рубашку и самые дорогие туфли. Вообще-то мне наплевать на барахло, мне практически все равно, что на мне

надето, просто это самая дорогая мне привычка – покупать все самое дорогое. А что, если я покупаю коту Мише самый дорогой корм, то почему я не могу купить себе самый дорогой костюм? Чем я хуже кота? Он, конечно, благородных кровей зверюга, но и я знатная персона. Мой китайский дед происходит из такого рода, который по знатности уступает только императорскому. Хотя однажды дед как-то проворчал, что предок императора был в услужении у наших предков, так что весь императорский род – выскочки. Правда, это было всего один раз, дед пробормотал это себе под нос, так что, может, я что-то неправильно расслышал. Хотя вряд ли, слух у меня отменный. Но, в любом случае, я не менее породистый зверь, чем мой кот. Так что вполне могу себе позволить.

Тут же в магазине мне подогнали костюм по фигуре. Вообще-то, я не считаю зеркало необходимой вещью, честно говоря, я просто им не пользуюсь. У меня даже расчески нет, точнее, она где-то валяется, но где я не помню. У меня правило: зачем мне причесываться, если я и так красавец. Но тут деваться было некуда: портной, который подгонял костюм (хотя чего там подгонять-то, укоротил брюки и рукава пиджака – и готово), всячески подталкивал меня к огромному зеркалу в примерочной. Ну, посмотрел я на себя, оказалось и правда хорош. Я, как мастер рукопашного боя и, соответственно, специалист по телу, сказал бы, что у отражения в зеркале просто идеальная фигура. Было только одно «но»:

взгляд был совершенно дикий. И мне, опять же, как мастеру рукопашного боя, было совершенно понятно, что означает такой взгляд. Хотя я узкоглазый, так что большинство здешних большеглазых белых людей этого, скорее всего, вообще не замечает. Разве что капитан О'Коннор. Так ведь капитан О'Коннор – это исключение. А остальные таких вещей просто не видят, а если вдруг кто-то случайно и обратит внимание, то все равно не поймет, что означает такой взгляд.

В общем, на обед к Дамочке я отправился в «образе» преуспевающего врача. Правда, на то, чтобы надеть галстук, у меня духу не хватило. Это же надо было придумать такую моду: самому себе надевать на шею удавку! Единственное правильное применение галстуку я видел еще в Союзе, когда возле общежития мединститута студенты лепили снеговика. Снеговик получился вполне обычный, разве что огромный и толстый. Но потом пара самых смешливых девиц на курсе поймали комсорга факультета, отобрали у него пижонский красный галстук (больше ни у кого из студентов галстука не нашлось) и нацепили его на снеговика. А я не снеговик, я вообще снега не люблю, так что галстука мне не надо.

Обед у Дамочки был всем хорош. Красиво, я бы сказал, профессионально сервированный и украшенный цветами стол, прекрасная посуда, серебряные столовые приборы. Еда тоже была отменной: изысканная, сытная и разнообразная. Недостаток у нее было только один, ее нельзя было постоянно есть. Сходить один раз в ресторан – пожалуйста. Но

каждый день – ни в коем случае. От такой еды даже я, пожалуй, мог бы заболеть. Может, и не заболел бы, но здоровья мне это бы точно не добавило. В ней не было души, в ней не было живой энергии.

Тут я вспомнил, как ходил в гости к своему советскому ученику Володе. Хозяйством у них в доме заведовала Володина бабушка. Как говорил сам Володя, у бабушки было хобби: всех кормить. Уйти из их дома, основательно не пообедав, было невозможно. По тому, как был одет Володя, было сразу видно, что жили они более чем скромно. Обстановка в доме тоже была соответственная. Я бы назвал ее так: ничего нового и ничего лишнего. Но на еде и на гостях тут не сэкономили. Порции, которая Володина бабушка накладывала нам на тарелки, были предназначены для очень серьезных едоков. Свой первый обед в этом доме я запомнил надолго. Был он построен по принципу: все просто, никаких изысков, но все сытное и от души. Про объем я уже и не говорю. В тарелке с борщом можно было утопить небольшого гиппопотама. Котлета была такого размера и веса, что ею вполне можно было вполне убить человека. Ну, если и не убить, то нанести, как говорили нам на цикле судмедэкспертизы, «тяжкие телесные повреждения». Котлету «сопровожила» большая тарелка жареной картошки. Процесс жарения картошки мне довелось наблюдать лично: она просто плавала в масле. Можно, конечно, придумать еще более не диетическое блюдо, но это придется постараться. Обед обязатель-

но завершался поллитровой чашкой чая с пирогом, обильно смазанным жирным кремом.

Недостаток был только один: перед таким обедом было грех не выпить рюмку водки, но бабушка была старой интеллигентской закваски и об этом и речи быть не могло. Володя, кстати, тоже совсем не пил.

Однажды мне стало интересно, зачем непьющему, «неуличному» и явно не стремящемуся подраться мальчику из такой приличной семьи кулачное искусство. Да и вообще, он слишком быстро соображал для человека, изучающего рукопашный бой. Это вызывало у меня некоторое удивление, ибо Ван сетовал, что в наши дни боевые искусства приходят в упадок, потому что успеха в них чаще достигают люди грубые, неотесанные и безграмотные (в этом месте своей тирады он обычно выразительно косился на меня), а люди благородные, умные и ученые все чаще обходят школы воинского искусства десятой дорогой. С местными хулиганами (приходили ко мне и такие, из них я либо напрочь выбивал эту хулиганскую дурь, либо делал так, что они бросали заниматься, если же до них не доходило, то просто выгонял взащей) было все понятно: хобби такое у людей. Зачем это Володе, ведь это явно не его, ему от этого одни неприятности: побои, синяки, ссадины. Да и вообще у тех, кто не прочь подраться, резко возрастает вероятность столкновения с законом. В общем, меня, как человека весьма любопытного, заинтересовало, как Володя вообще оказался в этом мире, тем более,

что в те годы в Союзе про эти вещи мало кто слышал. Володя явно не стремился об этом рассказывать, но мне отказать он никак не мог. Так что когда я спросил, как он «сюда попал», он рассказал мне такую историю.

«Я тоже не раз задумывался, для чего мне искусство рукопашного боя. Характер у меня более чем миролюбивый, конфликтов и скандалов не переношу, драться не любил с детства. Да и вообще более идиотское занятие, чем драка, трудно придумать. Каков бы ни был исход – все плохо. Кому-то будет больно, кого-то унижат, кто-то «потеряет лицо». И это при хорошем исходе. А что бывает при плохом, даже думать не хочется.

Да и сами слова «искусство рукопашного боя» в наше время звучат бессмысленно. Какое там «искусство»?! Беспощадное человечество придумало такое количество оружия, что всякие «ужимки и прыжки» вроде ударов и бросков превратились в нечто, чем пристало заниматься детям, ну, максимум, младших классов.

И, главное, всему этому смертоносному железу придумали благородное объяснение: мол, оружие уравнивает шансы людей, делает так, что слабый перестает быть беззащитным перед лицом сильного. В США вскоре после Гражданской войны даже появилась специальная поговорка по этому поводу: «Эйб Линкольн, может, и освободил всех людей, но только Сэмюэль Кольт сделал их по-настоящему равными».

Уважение человечества к огнестрельному оружию можно

даже «измерить численно», посчитав, скольких конструкторов оружия знает средний человек. Бердан, Браунинг, Дегтярев, Кольт, Люгер, Макаров, Максим, Манлихер, Маузер, Мосин, Ремингтон, Стечкин, Токарев, Шмайссер. О Калашникове, чей автомат изображен на гербах нескольких стран, и говорить нечего.

Так что взрослому человеку заниматься рукопашным боем просто неприлично. Есть у тебя время – иди почитай книжку. Или попей пива с мужиками. Или телевизор посмотри: там много всякой чуши показывают – новости, сериалы, часто не сбывающиеся прогнозы погоды...

Особых причин так уж сильно хотеть изучить какой-нибудь «рукопашный метод» у меня не было. Я целыми днями сидел дома, читал книжки, играть с другими детьми во двор почти не ходил. Однажды, правда, меня туда занесло и меня тут же слегка отколошматили. Но так, без особой злобы – ткнули пару раз мордой в песок. Как я теперь понимаю, для порядка, чтобы знал свое место. Потом не трогали, потому что я много читал, знал кучу разных историй и, видимо, меня было интереснее слушать, чем колотить.

Школа у нас была приличная, дрались очень мало, неумело и без остервенения. Можно сказать, это не входило «в школьную традицию». Тут меня тем более не трогали, потому что учился я хорошо и у меня всегда можно было списать. Кроме того, у меня было хобби: я любил подсказывать, а за такое многое прощалось. Учителя, конечно, иногда выгоня-

ли из класса, но, в общем, тоже относились с пониманием.

Конечно, бывало, что приходили хулиганы из других школ, но случалось это достаточно редко и особых хлопот никому не доставляло.

Поэтому никаких причин для практического интереса к воинским искусствам у меня не было. Один только бокс по телевизору чего стоит: два крепких мужика избивают друг друга, а зрители радуются, глядя на то, как люди причиняют друг другу боль. Патология!

Но постоянно сидеть за книжками тоже было неправильно, поэтому я решил пойти в спортивную секцию. Как раз в это время в кино шел фильм «Гений Дзю-До». Так что Дзю-До было в большой моде, и я отправился в секцию – записываться. Времена были советские, спорт был бесплатный, секций было мало и тренеры были очень уважаемыми людьми, прямо как у Бабея: «Бакалейщикам стало хорошо, ... бакалейщики гуляют очень жирные».

Подступиться к такому тренеру мальчику с улицы было непросто. Но я по простоте душевной решил сходить: а вдруг возьмут. Секцией, в которую я по неразумию явился, «заведовал» очень известный тренер, «воспитавший» (как тогда говорили) множество мастеров спорта и даже несколько чемпионов чего-то там. Чтобы попасть в зал, нужно было отстоять большую очередь таких же идиотов, как я, пришедших записываться «на борьбу».

Когда я пришел с наглым заявлением, что хочу занимать-

ся Дзю-До, знаменитый тренер разговаривать со мной не стал: он просто покосился на меня и отрицательно покачал головой. Видя, что я не тороплюсь уходить, он поощрительно махнул рукой по направлению к двери: «Уматывай, мол».

Потом на мое счастье появились платные секции Карате. Там уже ничего кроме денег не требовалось. Я стал заниматься, мне понравилось. Поначалу я пытался понять, зачем мне это, а потом бросил эти попытки. Решил так: зачем мне думать о том, причин чего я не знаю и чего я все равно не пойму? Раз мне нравится, значит, так надо, а стало быть, буду заниматься, пока не разонравится. Пока не разонравилось, наоборот, чем дальше, тем больше захожу во вкус».

Было похоже, что мальчик, сам того не понимая, верит в судьбу. А насчет судьбы я был полностью с ним согласен: свою судьбу каждый носит внутри себя, от нее не избавиться. Видимо, заниматься рукопашным боем – его судьба. А раз уж он попал ко мне в руки, то моя судьба научить его. Причем, научить хорошо, настолько хорошо, насколько это возможно в этих «тепличных» условиях. Что поделаешь, тут не джунгли. Но это, видимо, тоже судьба.

В Союз я приехал зрелым человеком, Героем Вьетнама, и я точно знал, чего я хочу. А хотел я стать классным западным врачом. Так что с первого дня я занимался самым серьезным образом, и анатомию, которую нам преподавали на первом курсе, я помню прекрасно. Так вот, объем пустого желудка

примерно поллитра. После приема пищи он растягивается до одного литра. У некоторых людей его объем достигает четырех литров. Но, как говорил нам преподаватель анатомии, это уже не человек, а свинья. Я вешу примерно килограммов пятьдесят, поэтому никак не могу быть такой свиньей (ну разве что карликовой вьетнамской свинкой, которая весит где-то 40–80 килограммов), так что обед «от Володиной бабушки» никак не мог в меня поместиться. Но он помещался. Мало того, в животе не было никакой тяжести, а было самое настоящее блаженство. Такая еда прекрасно усваивается организмом почти в любом (даже совершенно «неприличном») количестве. Съел такой обед – и сутки не голоден. Впрочем, удивительного тут не было ничего: в еде было столько души и энергии, что ее можно есть бесконечно. Проблема с этой едой была другая: было очень трудно остановиться.

Видимо именно про такую еду рассказывал мне учитель Ван, когда вспоминал, как готовила госпожа Ли, которая заведовала кухней в монастыре, в который он попал во время своих путешествий в далекой юности:

– От этой еды оторваться было невозможно. А почему? – вопрошал он. И тут же отвечал сам себе, наставительно поднимая палец. – Потому что она была приготовлена с любовью. Не то что это твое варево, – с этими словами он пренебрежительно указывал на мою стряпню. – Твое счастье, что я непривередлив.

Так вот, еда, которую подавали у Дамочки, была пригото-

лена, мягко говоря, без любви. Я бы даже сказал «с нелюбовью». Мне было интересно посмотреть, кто готовит все это, как говорил Ван, «варево». Поэтому я после обеда попросил у хозяйки разрешения отправиться на кухню – «поблагодарить» шеф-повара. Шеф-повар оказался тощим и весьма желчным мужчиной. Неудивительно, что он не ужился ни в одном ресторане. И дело было отнюдь не в интригах, как сообщила мне Дамочка. Дело было в характере. Меня он видел первый раз в жизни, но уже терпеть не мог. Почему, я не знаю, ведь я не умею читать мысли. Зато эмоции, даже «вложенные» в еду, очень хорошо могу. Так что как бы человек мне ни улыбался и ни благодарил за то, что я оценил его кулинарное мастерство (а он был несомненным мастером), я прекрасно чувствовал, что он ждет не дождется когда я покину «его» кухню.

Выпив с Дамочкой кофе, я поблагодарил за обед, распрощался и ушел. Через пару дней она позвонила мне и в сотый раз стала рассказывать, что у нее болит живот и стала спрашивать, как ей питаться.

– А вы дайте своему повару оплачиваемый отпуск, пусть поедет в Париж, отдохнет, повеселится, – предложил я.

– А кто будет мне готовить? – искренне удивилась она.

– Я поработаю у вас неделю поваром.

– Зачем? – еще больше удивилась Дамочка.

– Через неделю узнаете. Работать буду бесплатно, так что вы ничего не теряете. Заодно и другую кухню попробуете.

Переговоры у нас были длинные. Дамочка, которая была отнюдь не дура (среди людей, сумевших создать такой немалый бизнес, как у нее, дураков и дурочек не бывает), никак не могла взять в толк, зачем мне это нужно.

Я же не хотел ничего объяснять, чтобы не «программировать» ее, у нее и так в голове была заложена куча программ и шаблонов. Пусть это будет для нее сюрпризом. Суть же была более чем проста. По моим предположениям через неделю нормального питания у нее должен был перестать болеть живот. Никакой особенной патологии я у нее не видел, просто она не «кушала», как ей казалось, изысканную еду от «от шефа», а жрала всякую гадость, приготовленную человеком с очень плохим характером. Мне показалось, что характерец у Поля даже хуже, чем у меня.

Готовить я умел очень прилично. Учитель Ван знал в этом толк, а мастер Мо настолько любил поесть, что вообще стал потрясающим поваром. Причем, он умел готовить не только китайские блюда. В общем, рядом с ними кое-что «перепало» и мне, хотя я не слишком любил готовить и никогда не готовил для себя. Причина у меня была чрезвычайно уважительная – лень.

Само собой, я не был профессионалом в этом деле, но заменить, например, шеф-повара в здешнем вьетнамском ресторане «Побег бамбука» вполне смог бы. Впрочем, однажды я именно так и сделал. Предложил хозяину ресторана, что когда придет босс здешней вьетнамской мафии Кань, я

приготовлю ему его любимое блюдо.

И мы договорились так: меня пускают на кухню, где я смотрю где что лежит и привыкаю к огню (точнее, к плите) и к кухонной утвари. А потом мы побились об заклад: когда придет босс Кань, я приготовлю все, что он закажет, и босс останется доволен. Хозяин был в восторге. Во-первых, он не сомневался, что я проиграю пари. А во-вторых, мастер Минь в роли повара – это была бы лучшая реклама его ресторана. Основные посетители его ресторанчика вьетнамцы, а в здешней вьетнамской общине не было человека, который бы не знал, кто такой мастер Минь. Гнева босса Каня хозяин не опасался, потому что этот старый лис много раз видел нас вместе и знал, что Кань очень дорожит отношениями со мной и, как бы это поаккуратнее сказать, побаивается меня.

Через пару дней Кань заявился на обед. Надо сказать, пришел он очень вовремя, я как раз был на кухне. Блюдо, которое он заказал, было действительно сложное, но я управился. И Кань остался так доволен качеством еды, что попросил пригласить повара. Надо сказать, увидев меня, он был весьма удивлен. А что, мне надоело, что он постоянно корчит из себя великого знатока житейской, как он называл ее, мудрости. Меня тоже учили умные люди, так что мне «развести» даже такого битого хитреца – «на раз».

Помнится, хозяин ресторана и шеф-повар тогда проиграли мне приличную сумму: они утверждали, что я не смогу приготовить еду так, чтобы *сам* босс Кань остался доволен.

Шеф говорил так: «Господин Минь, я очень вас уважаю. Все говорят, что вы большой мастер воинского искусства. А какой вы врач, я и сам знаю. После вашего лечения у меня совсем не болят суставы, а внучка перестала кашлять. Но при всем моем глубочайшем уважении должен сказать, что *настоящая* вьетнамская кухня – не для любителей. Слишком уж она разнообразна. Север знаменит супом-лапшой, жареным мясом и морепродуктами. На Юге применяют очень много специй, которые нужно хорошо знать. А в центральной части страны, особенно неподалеку от древней столицы Гуэ, готовят самые сложные блюда вьетнамской кухни. Это пошло еще с тех времен, когда в этом городе был императорский двор и повара вроде меня «выделялись» как только могли. А босс Кань любит плотскую жизнь во всех своих проявлениях и потому в еде разбирается отменно. Он большой любитель и знаток вьетнамской кухни и предпочитает самые сложные и изысканные блюда».

Все это меня не пугало. Я не раз обедал с боссом Канем, так что какие блюда он предпочитает, мне было хорошо известно. Заказ Каня я предугадал, поэтому все прошло как по нотам. Разумеется, выигранных денег у хозяина и шеф-повара брать я не стал. Хозяин, на самом деле, не был богатым человеком, у него на содержании была куча родственников и он едва сводил концы с концами. А шеф-повар – это всего лишь наемный работник с весьма небольшой зарплатой. Поэтому мы сошлись на том, что они будут кормить меня

бесплатно в течение года. Это было удобно: готовить я по-прежнему не собирался, а вкусно поесть раз – два в неделю никак не мешало.

Однако несмотря на то, что по количеству «кулинарных изысков» я вполне мог заменить Дамочкиного повара Поля, я сделал все наоборот. Сначала я поломал ее барскую привычку заказывать «что она будет кушать» на следующий день.

Дальше все происходило так.

– Меню буду составлять я, – внушительно сказал я и протянул ей листок, на котором было написано следующее.

«Завтрак. Каша гречневая или овсяная. Салат из огурцов и помидоров.

Обед. Борщ или простой суп (картошка, морковка, какая-то «засыпка», например, рис или та же овсянка). Тефтели (мясные, рыбные или куриные). Гарнир ко второму блюду не полагается, потому что и в борще, и супе уже есть картошка.

Ужин. Винегрет или пара яиц, сваренных вкрутую.

Напитки. Соки, чай, можно с лимоном и с медом.

Комментарий: солонки, сахарницы и перечницы на столе не будет.

Никаких «перекусов» между приемами пищи, никакой жратвы после ужина. Если очень хочется есть – то идти на улицу на прогулку, а вечером пораньше ложиться спать.

Есть все нужно сразу после того, как оно приготовлено. Холодная пища выбрасывается, так что если кое-кто опоздает к столу, то ждет следующего приема пищи».

Прочитав это, с позволения сказать, меню, я усомнился. а не слишком ли круто я беру? Ведь это напоминает рацион солдата в небогатой стране. Например, американские солдаты жрут намного лучше. Во время войны мне не раз попадали их сухие пайки. Как по мне, так на вкус не очень, но, может, американцам и нравится. Точно не знаю, но говорили, что такой паек может храниться чуть ли не тридцать лет. Точно мне известно другое: одним таким пайком, рассчитанным на один прием пищи, можно было кормить вьетнамского солдата целый день, скорее, даже два. Там было все, вплоть до сигарет и презервативов. Потом, правда, их перестали класть, как предметы несовместимые ни с едой, ни с моральным обликом образцового солдата. Интересно, где они видели такого? Кстати, один такой «образцовый солдат», которого я взял в плен, рассказывал (он готов был рассказывать мне что угодно, потому что понимал, что живет ровно до тех пор, пока мне интересно его слушать), как у них принято раздавать эти пайки. Этих пайков ни много, ни мало, целых 24 вида. Так вот, они развлекаются тем, что вытягивают эти пайки из ящика не глядя, чтобы каждый раз получался «сюрприз».

Вот и получалось, что у Дамочки рациончик будет побед-

нее, чем у простого солдата. Но, подумав, я решил: «Нет, нормально, мое дело лечить, а как ее вылечить, если она, пардон, жрет всякую гадость, а потом жалуется на боли в животе. Чтобы живот не болел, надо в первую очередь перестать запихивать в него что попало».

Кстати, сначала я хотел использовать для Дамочкиного рациона вьетнамскую еду, потому что в ее основе лежит принцип умеренности: мало жиров, но много сырых фруктов и овощей. Причем все только свежее, никакого мороженого мяса, никакой мороженой рыбы. Я, конечно, небольшой знаток мировой кухни, но мастер Мо (вот уж кто знаток и любитель всяческой еды) говорил, что вьетнамская пища – одна из самых здоровых.

Китайская кухня – тоже, конечно, класс. Мой китайский дед смеялся надо мной, потому что хотя я и на три четверти вьетнамец, по своему обжорству я – несомненный китаец. Дело в том, что первое, что делает в Новом Году нормальный китаец, – это спешит воздать почести божеству гастрономии, а каждая семья приносит этому божеству небольшое пожертвование в виде изысканного, красиво оформленного блюда и просит божество оценить кулинарное искусство хозяйки.

Я помню, что мой китайский дед на Новый Год варил пельмени. Причем, согласно обычаю, делал он это примерно в полночь. Когда я был маленький, я в это время уже спал. Так вот, дед специально будил меня, засовывал в рот пель-

мень (чтобы год для меня был сытным), а потом снова укладывал спать. Став старше, я понял, что спать в это время невыгодно, потому что такие вкусные пельмени больше ни у кого не получались, а дед собственноручно готовил только раз в году. Так что когда еда была готова, я уже был тут как тут и одним пельменем дело уже не ограничивалось.

И вообще китайцы до такой степени любят хорошо пожрать, что приготовление пищи у них издревле расценивалось как настоящее искусство, а поэты и философы писали трактаты о еде и составляли рецепты. Кстати, дед мне говорил, что китайская кухня тоже очень здоровая. В рисовой шелухе содержатся ценные вещества, моллюски, рыба и ракообразные дают телу животный белок и минеральные вещества. А бобовые (прежде всего – соя), «начиненные» растительным белком, стимулируют умственную деятельность.

– Я потому такой умный, – говорил мой дед, поглаживая себя по животу, – что я ем много сои. А ты, – тут он показывал на меня, – так дураком и останешься, потому что хочешь жрать одно мясо.

В общем, вариантов для дамочкиного питания было много. Но, подумав, я решил, что никакой непривычной, пусть даже изысканной, еды Дамочке не нужно. Пусть ест европейскую пищу. Так что в основу я положил меню Володиной бабушки, только без богатырских котлет, жареной картошки, плавающей в масле, и пирогов, густо намазанных масляным кремом.

Если даже у меня возникали сомнения по поводу такого питания, то надо ли говорить, что, увидев эти несколько строк, которые и называл красивым словом «меню», Дамочка пришла в уныние. Я бы даже сказал, что она пришла в ужас. Особенно от комментариев. Сначала она попыталась начать торговаться. Оно и понятно: «бизнесвумен». Но в свое время мой советский ученик Володя научил меня более понятному слову: «торгашка». В общем, «торгашка начала торговаться». Она рассказывала, что была во множестве хороших ресторанов и видела множество меню, но ни одно из них не было столь скудным. Что хорошее питание должно быть разнообразным, что в нормальном меню есть целые разделы, посвященные супам, салатам, мясным, рыбным и вегетарианским блюдам, не говоря уже о десертах и напитках.

Тут я был подкован. Мо много рассказывал мне о еде. Причем, как человек основательный, он не ограничивался рецептами блюд и способами приготовления. Он закатывал мне целые лекции про еду. И я слушал с большим удовольствием, ибо Мо был знатоком предмета и блестящим лектором. Кроме того, такая «лекция» подкреплялась и иллюстрировалась фундаментальнейшим обедом. Поэтому, зная о чем идет речь, я попробовал отшутиться и сообщил Дамочке, что французское слово «меню» происходит от латинского «*minutus*» (нечто маленькое), потому что первые меню были написаны на маленькой! чёрной доске (по-французски

«carte»). У нас вместо небольшой доски был небольшой листок, исписанный моей личной мастерской рукой, так что это самое настоящее меню, только не «a la carte menu», а «a la бумажка menu». Но когда речь шла о ее хлебе насущном, Дамочка, несмотря на свой ум, шуток не понимала и продолжала торговаться изо всех сил. Я ценю любое Гун-Фу, и могу сказать, что делать она это умела, тут она была настоящий мастер. Хотя я не затруднял себя ответом (все равно ее не переспоришь), внимал я ее аргументам с искренним восхищением.

Впрочем, торговаться со мной трудно: я воин, а не торгош, меня торговаться не учили. Торговаться я не привык, не люблю и не умею, у меня другие способы «убеждения». Поняв, что я ее не слышу, Дамочка перестала торговаться и начала жаловаться. Она говорила, что не сможет такое кушать, что ее деликатному желудку нужно соответствующее питание. На это я ответил ей, что доктор здесь я и я лучше знаю, кто что может кушать и что нужно ее желудку, будь он хоть трижды деликатный. Кроме того, я соизволил вспомнить (разумеется, я о них не забыл, а оставил «на потом», чтобы подсластить пилюлю) о фруктах, которые Дамочка могла по своему усмотрению добавлять в свой рацион.

– Разумеется, в разумных количествах! – строгим голосом добавил я.

Как ей со мной себя вести Дамочка не знала. Послать меня было вроде бы неудобно (хотя ей явно очень хотелось),

ведь она сама обратилась ко мне за помощью и я оказался настолько любезен, что на целую неделю отменил прием больных (на эту неделю не было назначено у меня никаких больных, но ей об этом было знать совершенно ни к чему) и согласился переехать к ней и «собственными докторскими ручками» готовить ей еду.

Кстати, о переезде. С мужем у Дамочки были, я бы сказал, очень современные и очень европейские отношения. Во Вьетнаме, например, такое было бы совершенно невозможно. Такие отношения я описывал с помощью основного «цигунского» правила «кажется есть, кажется нет». «Кажется есть», потому что муж у нее действительно был. «Кажется нет», потому что жил он вместе с их двумя дочерьми в Лондоне и виделись они очень редко. Поэтому когда я переехал к ней, она не совсем понимала, для чего я это делаю. Судя по парадному наряду, «боевой раскраске» и, главное, по «эмоционально-энергетическому» фону, она была, как бы это культурно сформулировать, «не прочь»...

Вообще-то я не совсем понимаю, почему на меня *так* реагируют местные женщины. По здешним меркам я беден и не слишком красив, к тому же у меня нет «официальной» профессии. Иначе говоря, у меня нет лицензии «западного врача», а «восточный врач» и «мастер рукопашного боя» здесь вообще профессией не считаются. И вообще я «чужой», я даже говорю не так, как они. Так что на роль «выгодного жениха» я никак не подхожу, что меня более чем устраивает.

Впрочем, никто из моих здешних, как бы это сказать, «хороших подруг» и не стремился за меня замуж.

Я мог только догадываться, почему так происходит. Если я по всем «внешним социально значимым» параметрам не должен был бы интересовать здешних дам, а я их интересую, то значит должно быть что-то внутреннее, что привлекает их. Вообще женщины тоньше чувствуют энергию. А я – мастер Ци-Гун и ее во мне «пруд пруди».

Честно говоря, я бы даже не задумывался об этом (ну, есть такое и спасибо), если бы не один разговор с Ваном. В последний вечер, который я провел с ним, мы сидели перед его хижиной, глядя на заходящее солнце. Говорить было не о чем, и мы просто молчали. Молчать Ван мог сутками, можно было провести с ним неделю и не услышать от него ни слова. Просто так, без повода, он никогда не говорил. Только когда учил меня или когда я задавал ему такой вопрос, который он считал достойным ответа. И тут он сам неожиданно спросил меня: «Как ты думаешь, почему ты нравишься женщинам?» Прежде о таких вещах Ван с мной никогда не разговаривал. Видимо, пришло время.

Тогда, во Вьетнаме, мне было очень легко ответить на этот вопрос:

– Я из знатной и, по нашим понятиям, из весьма состоятельной семьи. Я врач, мастер Ци-Гун и рукопашного боя, ученик самого господина Вана. Я Герой Вьетнама. Я, наконец... – тут я запнулся.

– Договаривай, договаривай, – усмехнулся Ван, – который всегда «вычислял» меня и еще ни разу не ошибся. – Ты, небось, хотел сказать, что ты ко всему этому еще и красавец?

Я благоразумно промолчал, и старик продолжил.

– Все так, даже то, что девки считают тебя очень красивым, хотя лично я предпочитаю другое выражение для описания твоей внешности. Ты знаешь какое.

Конечно я знал, старик весьма часто называл меня «наглой мордой». И в зависимости от контекста это могло означать что угодно: порицание, поощрение или просто обращение, что-то вроде «эй ты, иди сюда».

А Ван тем временем продолжал.

– Так вот, помяни мое слово: когда ты уедешь в Европу, все останется по-прежнему, хотя там ты никак не сможешь считаться красавцем. Тебя так же будут любить женщины и так же будут *не* любить и бояться мужчины.

Тут мне стало интересно. Почему меня будут не любить и бояться мужчины – это понятно. Так было всегда: они чувствуют силу и полное отсутствие страха, потому и боятся. А почему меня будут любить западные женщины, если по идее они вообще не должны будут замечать меня, хотя бы ввиду моей малорослости?

Когда я задал этот вопрос Вану, тот только тяжело вздохнул.

– Ты уже совсем взрослый, а до сих пор не понимаешь простых вещей. Они будут любить тебя по той же самой при-

чине: они тоже чувствуют силу и полное отсутствие страха. А ты, как бы это сказать, внутри больше чем снаружи, потому что энергия и внутренняя сила распирают тебя. И это им нравится. Они этого не понимают, но чувствуют это очень тонко: ведь именно это и есть суть мужской сути.

Впрочем, никаких отношений с Дамочкой я заводить не собирался. Женщина она, конечно, была очень интересная, всегда изысканно одетая и холеная до невозможности. Мало того, она была еще и умная. Все было хорошо, но только я прекрасно знал, как будут развиваться события, если я «поведуся». Дамочке будет казаться, что она чувствует себя лучше, она помолодеет лет на десять и все будет хорошо до того момента, когда я решу (а я так решу очень скоро), что с меня хватит. И тогда у Дамочки наступит депрессия хуже нынешней. И у нее снова начнет болеть живот или что-то еще. В общем, все станет очень плохо. Кстати, в клятве Гиппократа (как сейчас помню) сказано совершенно определенно: «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами».

А я взялся ее лечить, так что я – врач, а она – пациентка. И никаких «посторонних» отношений. Умная Дамочка, надо отдать ей должное, поняла все с полувзгляда. Кстати сказать, ее это не очень расстроило. А вот за свое питание она

собиралась бороться всерьез. Не вызывало никаких сомнений, что, увидев то более чем скудное «меню», которое я ей предложил, она начнет качать права.

Критический момент наступил, когда она поняла, что стечения по поводу ее слабого желудка, не способного переваривать такую простую пищу, не производят на меня никакого впечатления. Честно говоря, я едва удерживался от смеха. Здоровая тетка (сам лечил, я за свою работу отвечаю), просто ей хочется привычной дорогой еды «с выделываниями», еды от французского шеф-повара. За такую еду она готова была сражаться, как тигрица.

– А что, «как тигрица», это идея, – неожиданно пришло мне в голову. – С пациентами я этого еще не пробовал. Будет «новое слово в медицине».

И я посмотрел на Дамочку «фирменным» взглядом нашего семейного стиля тигра. Взгляд этот назывался «тигр смотрит на курицу». Я знал, что чувствует обычный человек, на которого смотрят таким взглядом. Он ничего не чувствует... Кроме животного ужаса. Опробовано поколениями моих предков, да и мной лично. Так что с Дамочкой главное было не перестараться. Видимо, мне это удалось, потому что она всего лишь обалдела.

И тут я использовал свой главный аргумент.

– И за ту неделю, которую вы будете так питаться, вы похудеете килограмма на три. Фигура будет...

Как по мне, так у Дамочки была прекрасная фигура, имен-

но такая, как мне нравилось, но сама она считала, что у нее лишний вес, о чем мне, как «лечащему врачу», неоднократно сообщала.

В общем, мы договорились так: если всю эту неделю у Дамочки не будет болеть живот и если она действительно похудеет за эти дни килограмма на три, то она будет продолжать питаться в том же духе. А если нет, то вызывает своего повара из Парижа, а я больше не заикаюсь ни про какую свою диету.

Так я стал «калифом на час», а точнее, Дамочкиным поваром на неделю.

За первый день, проведенный в обществе Дамочки, я совершенно одурел и когда я пришел в зал на занятия, капитан О'Коннор, который по старой полицейской привычке (вдруг пригодится) замечать все, тут же стал расспрашивать меня, что произошло.

Узнав, что ничего не произошло, просто я на неделю «нанялся в рабство» (интересно, а можно «наняться в рабство» или в рабство можно только попасть?), он сначала долго смеялся, а потом предложил развлечься – сходить с ним в тир. Мол, он поучит меня стрелять из револьвера.

Я бы сказал, что насчет «поучить» он слегка погорячился. С одной стороны, он был прав: к револьверу я не был приучен. Честно говоря, я по-настоящему пострелял из него только один раз: когда привез огромный роскошный кольт

в подарок Вану, чтобы тот на старости лет при охоте на тигра рассчитывал не только на лук и нож. А то получалось какое-то средневековье: человек выходит на тигра практически с голыми руками.

Но Вану револьвер не понравился, так что я сам отстрелял все патроны, которые привез, после чего Ван положил подарок в один из своих бездонных сундуков, и мы забыли про эту штуку.

Разумеется, стрелять я умел. Из автомата Калашникова. Вот тут я был спец. Хотя Ван учил меня стрелять из лука. При этом он был совсем не дурак и не думал, что в наши дни кому-то кроме него может пригодиться это искусство. По этому поводу он говорил мне так:

– Ты делай, что велено. Старый Ван – практичный человек, он не станет тратить попусту свое драгоценное время, которого у него не так много осталось, на то, чтобы обучать юных идиотов, – тут он косился на меня, – бесполезным вещам. Твердая рука и глаз, приученный видеть цель, еще никому не помешал.

И старик, как всегда, оказался прав. Когда в армии мне выдали мой первый автомат, совершенно неожиданно выяснилось, что я умею стрелять. Патронов нам дали «сколько хочешь», и через час, привыкнув к «машинке», я стрелял лучше инструктора. Помнится, он никак не мог поверить, что я держу автомат впервые в руках. Поверил он мне только тогда, когда увидел, что я не знаю, как его разбирать. А

что, я же не слесарь. Когда он стал надо мной смеяться, я предложил ему пари: мы выясняем, кто из нас лучше стреляет и проигравший чистит победителю автомат. В общем, те несколько дней, которые были отведены нам для обучения стрельбе, я свой автомат не чистил ни разу. А разбирать-собирать его я научился мгновенно. Чего там учиться: механизм простой, деталей раз-два и обчелся. Все просто: отсоединил магазин, снял с предохранителя, передернул затвор, нажал на курок (это «типа проверил», не осталось ли в стволе патрона), вытащил шомпол, снял крышку ствольной коробки, извлек возвратный механизм, затем затворную раму, из которой вытащил затвор, и снял газовую трубку. Дел ровно на полминуты. А инструктор так тот вообще секунд за 20 управлялся.

Но вся эта механика меня мало интересовала. Стрелять, как неожиданно выяснилось, я умею, а кому «разобрать – почистить – собрать» всегда найдется. Я умею уговаривать.

В общем, сразу после тренировки мы отравились в тир. Время было позднее, полицейский тир уже был закрыт, но у капитана были свои ключи «от заведения».

Когда мы зашли, капитан вытащил из кобуры явно старый револьвер.

– Вот, – с гордостью сказал он. – Ты же знаешь, я потомственный полицейский. Этот револьвер мне достался от отца. Это «Смит и Вессон», десятая модель. Тридцать восьмой калибр, можно сказать, настоящая американская леген-

да. Такие начали выпускать в 1899 году. Это армейский вариант, знаменитая «Victory Model», 1945 года.

Никаких сантиментов по поводу «настоящей американской легенды» у меня не было. Взяв револьвер в руку, я сказал: «Старый, да к тому же и тяжелый, заряженный килограмма полтора потянет».

Капитана мое равнодушие к его любимой игрушке явно задело.

– А, ты ничего не понимаешь. Ты хотя бы стрелять из него умеешь?

– Нет, – честно ответил я.

– Как такое может быть? – искренне удивился О’Коннор.

– Да очень просто. Когда я воевал, как обычный солдат, точнее, как офицер, у меня был автомат, с пистолетом или револьвером много не навоюешь. Хотя ты и представить себе не можешь, сколько их прошло через мои руки. Трофеи, так сказать. Но мне они были не нужны. Я их дарил, продавал, даже выбрасывал.

Когда я «работал шпионом» в Сайгоне, мне пистолет тоже был не нужен. Шуму от него много, так что мне вполне хватало ножа. Только когда на меня начали охотиться всерьез, я стал повсюду таскать с собой гранату, а лучше пару. Пистолет – так, полицейская игрушка, а вот граната... Сдаваться живым я тогда им никак не собирался...

– Ну, раз ты новичок, – ехидно сказал О’Коннор, – то начнем с начала: с разборки.

– Ты полицейский капитан или армейский сержант, который хочет поучить «салагу»? – не менее ехидно поинтересовался я.

– Капитан, капитан, – добродушно пророкотал О’Коннор.

– Тогда стать смиренно перед старшим по званию! – командным голосом рявкнул я.

– Перед каким таким старшим по званию? – удивился О’Коннор.

– Майор, насколько мне известно, старше капитана, не так ли, капитан?

– Да ладно, удивился О’Коннор, не можешь ты в твои годы быть майором.

– В мирное время, конечно, не могу. Но не забывай, была война и майорское звание мне дали вместе со звездой «Героя Вьетнама».

– Ладно, смотри, майор, – ухмыльнулся О’Коннор. – С этими словами он в несколько секунд разобрал револьвер. Все произошло так быстро, что правильнее было бы сказать не «разобрал», а «разбросал». К моему удивлению, его огромные лапищи весьма ловко разложили отдельные детали на столе, явно предназначенном для сборки и разборки оружия, именно в том порядке, в котором он разбирал револьвер. Видимо, так его учили, – чтобы потом было быстрее и легче собирать.

– А теперь смотри внимательно, – сказал он, – теперь покажу, как его собирать.

– А зачем? – удивился я.

– Как это зачем? – в свою очередь удивился капитан. Мы вообще-то сюда пострелять пришли. А если кто не знает, то напоминаю: из разобранного револьвера не постреляешь. Или ты врешь, что не умеешь им пользоваться, или у тебя в кармане лежит такой же, только поменьше?

Если бы я умел обижаться, то точно бы обиделся.

– Я вообще не ангел и при необходимости совру не задумываясь, – сурово сказал я О’Коннору. – Да что там совру, я и убью не задумываясь. Все это тебе прекрасно известно. Но сообщаю тебе хорошую новость: друзьям я не вру никогда. Так что ношу я с собой только нож, чего от тебя никогда не скрывал.

– Ну, к этому-то я уже привык, – ухмыльнулся О’Коннор. – Хотя, как полицейский, не должен был бы. Но как ты собираешься стрелять, если не соберешь револьвер?

– Соберу, соберу, – отмахнулся я. – Смотри.

С этими словами я смешал детали револьвера, так аккуратно разложенные капитаном, и закрыл глаза. А затем, к огромному удивлению О’Коннора, собрал револьвер вслепую, наощупь. Завершив сборку, я взвел его и нажал на курок. И тут я первый восхитился этой допотопной штуковиной. Ход у курка был очень мягкий, а звук, с которым работал механизм, напоминал звук дорогих часов, только был заметно громче.

Удивить полицейского с таким стажем практически

невозможно, однако мне это удалось. Слов у капитана не нашлось. Единственное, что он смог проговорить, было: «Как?! Ты же никогда этого не делал, а детали здесь маленькие, да и форма у них весьма замысловатая».

Тут было не поспорить, несмотря на то, что у револьвера внушительный размер, детальки в нем действительно «ювелирные», для сборки-разборки без отвертки не обойтись. Это вам не автомат Калашникова, который разбирается голыми руками. Но для меня все равно это было несложно. Достаточно было просто повторить процесс разборки в обратном порядке. Так что мне нужно было всего лишь запомнить, как капитан разбирает свой револьвер. А с памятью у меня было все в порядке. Об этом позаботился учитель Ван. Когда я изучал под его руководством иглотерапию, он никогда не наказывал меня за невыученный урок. Он просто заставлял меня корпеть над книжкой всю ночь, а так как я всегда любил поспать, то для меня это было очень серьезный стимул. Две ночи подряд он никогда не лишал меня сна (считал, что у меня низкий уровень подготовки и две бессонных ночи одна за одной могут причинить вред здоровью и повлиять на качество наших занятий), поэтому если мне снова не удавалось выучить урок, то на следующие сутки он лишал меня еды. А так как я любил поесть ничуть не меньше, чем поспать, то и это было не менее серьезной мотивацией.

Этот вид памяти Ван называл «книжным» и считал его более важным для врача, чем для воина. Была еще память,

которую он называл «двигательной», а я «киношной». Развивал он ее простейшим способом: он ставил меня в такие условия, что я изо всех сил старался запоминать любое его движение с первого раза. Например, целую неделю собирался показать мне какую-то «особо эффективную» технику. А надо сказать, что когда меня отдали «в науку» к Вану, мне было тринадцать лет и я верил в то, что бывает «особо эффективная» техника. Это потом я понял, что не только не бывает «особо эффективной» техники, но что на определенном уровне техника практически исчезает. Точнее, она не исчезает, она «впитывается» в человека и становится его личным мастерством. А если я мастер, то в моем исполнении любая техника эффективна. Я могу просто посмотреть человеку в глаза, и ему станет плохо от одного моего взгляда. И это не шутки, это и есть мастерство. Но тогда я постоянно надеялся, что Ван покажет мне эту самую «особо эффективную» технику. И Ван никогда не обманывал меня: в его исполнении любая техника была «особо эффективной».

Но старый хитрец показывал ее всего единожды. И он выдрессировал меня так, что к восемнадцати годам я с одного раза без всяких усилий запоминал любое, самое сложное движение. Да что там движение, у меня в голове словно была кинокамера, которая запоминала все, что было мне нужно. Был у него и «медицинский вариант» тренировки «кинокамеры» у меня в голове. Иглы сложным пациентам в первый раз он ставил сам. Я внимательно смотрел на этот процесс,

а на завтра, во время следующего сеанса должен был поставить иглы уже сам. При этом следует иметь в виду, что Ван ставил иглы очень быстро, его руки просто порхали. Капитан же разбирал револьвер намного медленнее. Так что после такой школы запомнить, а затем воссоздать в обратном порядке процесс разборки револьвера для меня не составляло вообще никакого труда.

Выслушав все это, капитан кивнул головой, а потом спросил:

– Но ты же делал это вслепую, на ощупь, причем прежде ты этих деталей и в руках не держал.

– Конечно, не держал, – легко согласился я, – но Ван учил меня не только иглотерапии, он делал из меня традиционно-азиатского врача. Вот представь, ученик Вана ломает руку. Может, сам же Ван ему ее и ломает. Рентгена у него нет, а лечить надо. Хорошо, если перелом без смещения. А если со смещением, да еще оскольчатый? Костоправ вроде Вана или моего деда «собирает» отломки кости на ощупь. Я с детства видел, как это делает дед, и тогда это казалось мне чудом. Впрочем, это и было чудом. Когда меня начал обучать Ван, я понял почему фунт лиха, точнее, почему фунт чуда.

Чтобы научить меня этому, Ван поступал просто. Он брал небольшой, размером в два кулака, глиняный горшок и клал его в кожаный мешочек. Мешочек он завязывал и, не говоря худого слова, бил им о ближайший камень. Моя задача состояла в том, чтобы сложить обломки горшка, не развязывая

мешочка. На эту науку мне потребовалось чуть меньше пяти лет. И заметь, капитан, обломки горшка по форме несравненно сложнее деталей револьвера. Так что мне собрать револьвер – это все равно что тебе выпить кружку пива.

Слушая это, О'Коннор только чесал в затылке.

– Странные вы люди, – с удивлением сказал он. – Зачем тратить годы на эту чепуху, если есть рентгеновский аппарат, есть УЗИ?

– У каждого свои методы, – легко согласился я. – Зато аппарат УЗИ дорогой, а я вообще ничего не стою.

– Как это не стоишь?! – возмутился капитан. – Жизнь человеческая бесценна.

– Это как посмотреть. У вас она бесценна, потому что ее нельзя ничем оценить, а у нас она бесценна, потому что ничего не стоит.

– Ладно, спорить не будем, каждый все равно останется при своем мнении, лучше я тебе расскажу, что мне напомнил твой способ реконструировать способ сборки по способу разборки.

И вот какую историю рассказал мне капитан.

«Мой папа очень любил машины. И не только ездить на них, но и возиться с ними. Денег у него особенных никогда не было, потому что он был честный коп и жил на одну «копскую» зарплату. А она весьма невелика. Конечно, коп «кормится с ладони государства» (помощь при покупке дома и при обучении, медицинская страховка, форменная одеж-

да и так далее), но на руки он получает совсем немного. Папе же очень хотелось иметь спорт-кар. А в те времена была машинка, которая называлась «Лотус Мкб». Машинка была простенькая: двухместный открытый спортивный автомобильчик в виде сигары. Он был такой маленький, что лично мне напоминал игрушку, а посадка у него была настолько низкая, что мне казалось, будто я еду, – прости меня, – задом прямо по земле. Всего три скорости, моторчик мощностью 50 лошадок. Максимальная скорость – 150 километров в час. Машинка эта до сих пор стоит у меня в гараже, на днях я тебе ее покажу. Она на ходу, сможешь даже покататься. Тебе понравится.

Была у этой машинки одна особенность, которая моего папу особенно заинтересовала: «Лотус Мкб» можно были приобрести не целиком, а в виде комплекта деталей (называлось это «кит-кар»), так сказать россыпью. В общем, такой взрослый конструктор, рассчитанный на то, что человек, умеющий отличить гаечный ключ от топора, мог бы полностью собрать себе машинку часов за двадцать. Фокус был в том, что такую покупку в те времена можно было оформить как «некоторое количество запчастей». А покупка запчастей не облагалась налогом и потому собственноручно собранный автомобиль обходился намного дешевле, чем готовый. И все по закону. Мало того, качество сборки было высочайшее: каждый делал сам для себя. Само собой, к такому «конструктору» прилагалась инструкция по сборке.

Это кит-кар расхотелся, как горячие пирожки, главный конструктор компании «Лотус» написал книгу «Построй свою спортивную машину всего за 250 фунтов!», которая стала бестселлером. Оно и понятно, в то время получить машину за 250 фунтов казалось такой же несбыточной мечтой, как и сейчас.

Мне было точно известно, кто будет помогать папе собирать эту машинку и потому мне особенно нравилось то, что она маленькая: вся рама весила всего 25 кг, так что работа по сборке не должна была быть тяжелой – так, развлечение».

Я никак не мог понять, к чему эта история. Но вопросы задавать не торопился: если даже не узнаю, для чего капитан мне все это рассказывает, то на раритетном спорт-каре покатаюсь точно. Но капитан ничего не забыл, склероза у него точно не было.

«Я, как настоящий ирландец, англичан не слишком люблю. Но дураками их точно не считаю. Так вот, английская налоговая инспекция быстро поняла, сколько человек недоплачивает налогов, если покупает автомобиль по цене запчастей. И они поступили очень просто и очень хитро: запретили прикладывать к «набору запчастей» инструкцию по сборке. Зачем тебе инструкция по сборке, если ты не собираешься собирать автомобиль. А если собираешься, то и плати налоги как за автомобиль, а не как за грудку деталей. Но умники из компании «Лотус» оказалась еще хитрее: вместо инструкции по сборке автомобиля они стали прикладывать инструк-

цию по его разборке. У тебя такой же подход: ты смотришь, как я разбираю револьвер, делаешь все в обратной последовательности и собираешь его».

За всеми этими «сборками-разборками» мы чуть не забыли, зачем мы сюда пришли. Тир все-таки, место для стрельбы, а не для разговоров. Хотя говорилось здесь хорошо: никого, кроме нас с капитаном, а звукоизоляция (чтобы шум выстрелов не беспокоил жителей близлежащих домов) была такая, что казалось, будто кроме нас во всем мире вообще ничего не существует.

Оказалось, что стрелять из капитанского револьвера очень приятно. Тяжелый, громкий, с сильной отдачей. В общем, когда стреляешь, то стреляешь. К удивлению О'Коннора (а еще больше к моему собственному), я через какое-то время приспособился и даже начал попадать в мишень. А еще через какое-то время пули стали ложиться в десятку чаще, чем у самого О'Коннора, который, надо отдать ему должное, отлично стрелял даже для полицейского. Но это не имело значения. Главное, я получил удовольствие. Я вдруг понял, что стрельба успокаивает мой ум. А какая разница, чем его успокаивать, как по мне, так лучше стрельбой по мишени, чем выпивкой. Для печени полезнее.

Так что стрелять мы закончили далеко за полночь, благо, в патронах ирландская полиция недостатка не испытывала.

Свое недельное «поварское рабство» я отработал очень

успешно: живот у Дамочки не болел ни разу, она действительно похудела на три с небольшим килограмма и при этом прекрасно себя чувствовала. Я не стал ей говорить, что во все приготовленные мною блюда я «впихивал» большое количество Ци. Ей этого знать не нужно, это требовалось только вначале, чтобы запустить процесс.

Вскоре Дамочка под моим присмотром нашла себе нормальную повариху: здоровенную веселую деревенскую деваху, которая готовила просто, но «с душой». При этом мы договорились, что относиться к ней Дамочка будет как «к родной», чтобы деваха готовила для нее не только за плату, но и с радостью.

После этого случая пациентов у меня резко прибавилось. Точнее, пациенток, потому что Дамочка рассказала обо мне своим «подружкам», к которым причисляла всех, кого считала себе ровней и тех, кто был ей чем-то полезен, но кого нельзя было причислить просто к обслуживающему персоналу.

Одна из таких «подружек» оказалась весьма интересной персоной. История с ней была такая.

У Дамочки по всей квартире было расставлены большие (думаю, размер их колебался от 8–10 до 20–25 дюймов) фарфоровые куклы, которыми она весьма гордилась. Куклы были разные. Были мужчины, и были женщины. Были современные, и были подделки под старину. А как роскошно были они одеты: шелк, бархат, кожа, вышивка. Дамочка говорила,

что это авторская работа и каждая кукла существует лишь в единственном экземпляре. Еще сказала, что они очень дорогие. Но об этом можно было и не говорить – это было видно даже такому несведущему в этом человеку, как я. Работа была действительно высокохудожественная. И живя у Дамочки, я часто останавливался просто чтобы полюбоваться на эти скульптуры (называть их куклами у меня язык не поворачивался).

И вот однажды Дамочка сообщила мне, что она говорила обо мне с женщиной, которая делает этих кукол (я сразу же прозвал ее мастерицей-кукольницей), и та хотела бы со мной проконсультироваться из-за того, что стала быстро уставать. Я, разумеется, был не против и даже напросился к ней в гости, когда Дамочка сказала, что Николь делает кукол прямо у себя дома.

Николь оказалась изящной женщиной лет тридцати пяти. Тоже достаточно странная персона: француженка, переехавшая из-под Парижа в небольшой ирландский городок. Впрочем, не мне об этом говорить... Она жила здесь вместе со своим мужем, здоровенным рыжим ирландцем (просто классический тип), явно добродушным и явно не дураком подражаться и выпить.

На мою просьбу показать как она делает такую красоту Николь откликнулась с большим удовольствием и мы пошли к ней в мастерскую. Я попросил разрешения присесть в уголке и, если это возможно, показать мне различные этапы рабо-

ты. Сам я руками умею делать три вещи: лечить людей (ставить иглы и делать точечный массаж) и наоборот, ухудшать им здоровье (вплоть до летального исхода), а также по-любительски готовить. В общем, можно сказать, что ничего не умею. Но зато мне очень нравится, когда кто-то умеет и я очень люблю на это смотреть. Впрочем, смотреть на то, как мастер что-то делает, всегда приятно.

По-моему, Николь была только рада заинтересованному зрителю. В работе у нее одновременно было несколько кукол, так что она показала мне сразу несколько «процедур». Сначала она отлила несколько частей для новой куклы и даже поставила какую-то часть в печь на отжиг. Она показала, как кроит и вышивает куклам одежду, как кроит им обувь и перчатки. При мне она «построила» такую шляпку, которая сама по себе представляла произведение искусства. Все это длилось не менее восьми часов. Я тихо сидел в уголке, а Николь, кажется забыв обо мне, трудилась, не останавливаясь. Ее рыжий муж несколько раз пытался оторвать ее от этого процесса, но сделать это ему удалось лишь к вечеру. А я был в восторге, тем более, что уже знал, как нужно сделать так, чтобы Николь перестала быстро уставать. И сделать это было просто.

Когда мы перешли в гостиную пить чай (хотя была примерно полночь, Николь с явным неудовольствием оторвалась от работы), я рассказал им историю о том, как однажды мой учитель Ван давал лечебные рекомендации прямо «на

ходу».

Дело было так. Когда Ван ходил в деревню лечить, он брал меня с собой, чтобы я учился ремеслу. И вот однажды он при мне «тормознул» человека прямо на улице. Он велел ему повернуться к солнцу и высунуть язык. Внимательно осмотрев его, он изрек: «Явное переутомление. Меньше работать, больше отдыхать. Меньше переживать, больше пребывать в покое. Хорошо питаться и радоваться жизни». Потом похлопал обалдевшего от такого осмотра крестьянина и пошел дальше.

– В вашем случае, – обратился я к Николь, – рецепт еще проще и короче. То, что вы любите свою работу и делаете ее с наслаждением, – это прекрасно. Но запомните три слова: нужно научиться останавливаться. Будете выполнять эту рекомендацию и все сразу станет легче.

– Так просто? – удивилась Николь.

– Ну, если нужно сложнее, то можно и сложнее. Во-первых, если вы научитесь останавливаться, то автоматически будете меньше работать и больше отдыхать. Это, так сказать, видимая или явная часть рецепта. Но есть у него и скрытая, но от того не менее важная часть, которая относится к уму. Кстати, думаю, вы обратились ко мне как к восточному врачу, но отвечу я вам как врач западный. Так вот, западная психология считает, что у человеческого ума есть три основных способа борьбы с эмоциями: подавить (или сдержать) их, выразить и избежать.

Подавление – это сознательное «запихивание» чувств поглубже. Сдерживание – это то же самое, только оно происходит бессознательно, само собой, можно сказать, что это защитная реакция организма: когда эмоция становится для него труднопереносимой, он «заталкивает ее в закрома и делает вид, что он про нее забыл, что ее как бы нет». Хотя она, конечно, есть и может вырваться в самый неподходящий момент.

Выражение – это «выведение» чувств наружу путем их «выговаривания», иногда даже «выкрикивания», или выражение их через тело. Например, классический семейный скандал с криком, истерикой и битьем посуды.

Но больше всего нас интересует избегание, ибо это именно то, что делаете вы, Николь. Избегание – это отвлечение от чувств, так сказать, бегство от них. Делаться это может множеством разных способов. За счет разного рода развлечений, позволяющих человеку отвлечься от своих внутренних проблем. Есть способы избегания, которые не одобряются обществом, например, пьянство. Есть такие, которые оно одобряет, это могут быть занятия спортом, путешествия, работа в саду и тому подобные вещи. А есть те, которые считаются чуть ли не доблестью, например, (как в вашем случае) трудоголизм. Так что заменой вашей избыточной работе вполне может стать отпускание лишних и ненужных вам эмоций. Тогда и «научиться останавливаться» будет значительно легче.

С Николь и ее мужем Гарбханом я, можно сказать, даже подружился. Даже сходил пару раз с Гарбханом в паб, где выяснил, что он тоже мастер... По части выпивания пива. Тут, пожалуй, даже О'Коннор не смог бы составить ему конкуренцию. В общем, посмотрел на другой вид мастерства. Но мастерство его жены мне нравилось намного больше и я еще несколько раз ходил посмотреть на ее работу. Видя, что мне действительно нравится то, что она делает, Николь, несколько поколебавшись (вообще она была весьма деликатна в общении), неожиданно спросила меня:

– Господин Минь, недавно я узнала, что вы не только врач, но и большой мастер рукопашного боя. Правда ли это?

Присутствовавший при этой беседе ее здоровяк-муж расхохотался. – При всем моем уважении к нашему дорогому доктору, какой из него мастер рукопашного боя?! Он даже кружку пива одолевает не без труда. Скорее, уж я мастер подраться. Даже если и не мастер, то точно большой любитель.

То, что Николь узнала об этой стороне моей «деятельности», меня не удивило. Разумеется, я не афишировал, что я это умею, но тут не Вьетнам, скрывать это особенной нужды нет. Да и как скроешь, если я совершенно официально работаю инструктором рукопашного боя. Так что это совершенно не «секретный секрет». Но меня удивило, что этот вопрос заинтересовал Николь.

– Видите ли, – продолжала она, – все эти куклы сделаны мною от начала до конца. То есть от эскиза до готового изделия. И многие из них в той или иной степени похожи на знакомых мне людей. Я вообще-то хорошо рисую портреты. Когда я училась в *École nationale supérieure des Beaux-Arts* (в национальной высшей художественной школе – перевел Гарбхан, который хорошо знал французский и часто помогал жене, когда у нее были проблемы с языком) в Париже, я выходила на улицу рисовать портреты людей. Сначала бесплатно, а потом, когда набил руку и стала делать это достаточно быстро, за деньги. Это было правильно: и заработок, и практика. И, надо сказать, у меня получалось, и я никогда не сидела без дела. И это при том, что художников рядом со мной сидела куча и конкуренция была немаленькая. Так вот, мне бы хотелось увидеть ваши занятия и сделать куклу, похожую на вас. Вы сами видели, мои куклы на шарнирах, так что я могу заставить их «принять» любую позу. Если бы мне удалось увидеть динамику ваших движений...

– Хотите сфотографировать? – поинтересовался я.

– Ни в коем случае, – засмеялась Николь. – Я уважаю фотографов и фотографию, но это не мое. Фокус рисованного портрета в том, что на нем видно больше, чем на фотографии, а иногда даже больше, чем по лицу.

– Да ладно, – недоверчиво сказал я.

– Можем проверить, нет ничего проще, – уверенно сказала Николь. – Полчаса – час и вы сами убедитесь, доктор. С

этими словами она указала мне стул напротив окна.

– Никак портрет с меня собирается писать, – подумал я. – А зачем мне портрет? В квартире Мо есть зеркало высотой в человеческий рост. Мо говорил мне, что у хозяина был огромный старинный шкаф, в дверцу которого изнутри было вставлено это зеркало. Шкаф выбросили, а зеркало извлекли и повесили на стену. Так что я могу смотреть в него целый день до одури. Но пялиться на себя мне и «в живую» не интересно. Так что я буду делать с собственным портретом? Вставлю в раму и буду любоваться? Или гостям показывать?

Видя мое колебание, Николь потянула меня за рукав, пытаясь усадить на стул. – Это дело недолгое, – сказала она. – А мне будет приятно нарисовать ваш портрет. Если не понравится, сможете выбросить в любой момент.

– Соглашайся, доктор, – пробасил ее муж. – Она все равно не отстанет.

Видно было, что Николь действительно хочет нарисовать меня, а мне совсем не хотелось обижать ее отказом. Тем более, я любил все новое. А моего портрета никто еще не писал. И я уселся на предложенный стул.

Николь не просила меня принять какую-то позу, она даже не говорила, чтобы я сидел неподвижно. Она лишь сказала, чтобы я держался естественно, после чего замолчала и сосредоточенно принялась за дело. Она действительно работала быстро. Рука ее запорхала над листом бумаги, и минут через сорок она протянула мне готовый портрет. Не скрою,

мне было интересно, каков будет результат ее работы. И он меня не разочаровал. На листе бумаге был несомненно изображен я. Вот только там было нечто большее, чем я обычно видел на своем лице в зеркале. Это было что-то внутреннее, неуловимое, которое я в себе чувствовал, а вот видеть...

За плечом у меня раздался бас Гарбхана:

– Пожалуй, я теперь поверю. И даже очень поверю.

– Во что? – автоматически спросил я, не отрываясь от портрета. – Или чему?

– Тому, что ты мастер рукопашного боя, тому, что ты можешь любить подраться даже больше, чем я.

– С чего это вдруг?

– Да ты сам посмотри на этого типа на рисунке. Николь умеет рисовать не только то, что снаружи у человека, но и то, что внутри. И почти никогда не ошибается. Со мной, например, не ошиблась. – С этими словами он вышел из комнаты и вернулся, держа в руке картину в добротной раме. Это был написанный маслом его собственный портрет: крепкий мужчина с грубыми чертами лица, в простой одежде, сделанной из какой-то домотканой дерюги. Какой-то средневековый пастух, да и только.

– Вот, Николь написала. Еще до свадьбы. Как тебе, док? – спросил он меня.

– Что тут говорить... – пожал плечами я. – Сходство потрясающее. Только стиль необычный: все такое рубленое, массивное, прямое, без переходов. Я бы сказал, такое, как

одежда, в которую ты одет на этой картине: простая и грубая средневековая дерюга.

– Вот то-то и оно! – захохотал Гарбхан. – Похоже, ты тоже не простой человек, док. Ты знаешь, как меня называют мои дружки в пабе?

– Откуда же мне знать? – удивился я. – Мы с тобой там были всего пару раз и ты меня не знакомил со своими дружками-выпивохами.

– Они меня называют «Грубияном».

– Чему тут удивляться, ты грубиян и есть. Я удивляюсь другому. Если Николь еще до свадьбы видела, что ты грубиян, то почему вышла за тебя замуж?

– Она сказала, что, может, я и грубиян, но добрый и честный. Не так ли, дорогая? – обратился он к жене.

Ты молча кивнула, а Гарбхан продолжил:

– Но это еще не все. Ирландское имя «Гарбхан» означает «грубый». Я об этом не очень распространяюсь, мало кто захочет иметь дело с сертифицированным грубияном, так сказать, «грубияном от роду». Так что когда Николь писала портрет, она об этом не знала. В общем, она пишет не столько лицо человека, сколько использует его лицо как холст, на котором пишет его характер.

– Ну и что же написано на моем лице? – подумал я, снова вглядываясь в свое изображение. И тут я вспомнил Володину бабушку. Бабушка у него была замечательная: мудрая и добрая. Всем бы такую бабушку. Мне она очень нравилась,

она меня, похоже, тоже любила и все время приглашала в гости. Узнав, что во Вьетнаме называть человека одним именем (например, просто «Минь») не принято, она стала называть меня «Наш шальной Минь». Что такое «шалльной», я не знал, так что пришлось Володе объяснять мне значение этого слова. Надо сказать, сделать ему это было не просто.

– Тут есть разные оттенки, – сказал он. – Например, «лишенный рассудительности», «утративший ясность сознания», «безумный», «сумасбродный». Все это, само собой, не твой случай. Я например, не знаю человека с более ясным умом, чем у тебя. Тут пожалуй, подойдет «безудержный», «готовый на все».

Да, Володина бабушка была мудрая женщина. Когда я вернулся после войны, я действительно был готов на все. Выходит, это так и не выветрилось из меня? Или выветрилось, но не до конца? И, похоже, именно это увидела Николь, она сумела выразить это на бумаге и показать это мне. Забавно. Значит, я по-прежнему шальной Минь?

– Что, так все видно? – спросил я у Николь.

– Еще бы! – уверенно сказала она. – Но это ничего. Я ведь вышла замуж за Гарбхана. Ведь можно быть грубияном и при этом оставаться порядочным человеком. Так вот, за вас, доктор, порядочная девушка тоже вполне может выходить замуж, – звонко расхохоталась она. Кстати, – добавила она, – с тех пор, как я следую вашей рекомендации «вовремя останавливаться», я стала смеяться намного больше. Думаю, это

хороший признак?

– Еще бы! – ответил я.

И тут вдруг у меня возникла неожиданная мысль по поводу фарфоровой куклы. Раз Николь такая мастерица, то нельзя ли заказать ей куклу, которая бы выглядела как учитель Ван? Такой подарок точно был бы приятен старику. Конечно, в его сундуках лежит куча всяких дорогих вещей (вплоть до меча XV века, подаренного его предку императором Вьетнама в благодарность за обучение), и эту куклу он тоже наверняка засунет в один из них. Понятное дело, какой прок от фарфоровой куклы старому охотнику на тигров? Но удовольствие, думаю, он бы получил. Так что мысль казалась вполне стоящей.

Но прежде мне нужно было выяснить, сколько стоит фарфоровая кукла работы Николь и сможет ли О'Коннор помочь мне с составлением фоторобота. Дело было в том, что фотографии Вана у меня не было, а Николь должна была знать, как он выглядит, чтобы придать лицу куклы его черты.

Цена, которую брала Николь за подобную работу, оказалась весьма приличной, за эти деньги вполне можно было купить подержанную машину в прекрасном состоянии. Что-то вроде бандитского «Форда», который я «одолжил» у босса Каня и никак не мог собраться вернуть. Денег на это у меня хватало, должно было даже остаться еще на пару месяцев безбедного существования. Впрочем, деньги меня не слишком беспокоили. Не знаю почему, но всю свою взрос-

люю жизнь я был уверен, что всегда сумею заработать себе на жизнь. Кстати, до сих пор все именно так и было.

Услышав про мою затею, О'Коннор только развел руками.

– Ты молодец, – проговорил он. – Я бы до такого в жизни не додумался. Подарить куклу старому, уж прости меня, вьетнамцу, проводшему всю жизнь даже не в деревне, а в хижине рядом с деревней. Что он ребенок, маленькая девочка? Что он будет делать с твоим подарком?!

– Конечно, я понимаю, что подарок этот совершенно бесполезен. Но тут самое главное, как все это назвать. Если так, как ты говоришь, то моя затея – это полная чушь, перевод денег и времени. А если мы назовем это иначе: «В благодарность за обучение подарить своему почтенному учителю его скульптурный портрет высокохудожественной работы»? Причем, заметь, это подарок, сделанный его любимым (я не шучу, Ван сам мне это говорил перед расставанием) учеником. Притом, ученик этот давно уехал, от учителя ему уже ничего не нужно, а он помнит о своем наставнике, хочет сделать ему что-то приятное, какой-то очень личный подарок. А какой подарок может быть более личным, чем «учительский» скульптурный портрет? И еще: у старого Вана куча (в полном смысле слова!) денег, живет он чрезвычайно скромно, так что все, что ему нужно, у него есть в избытке. Попробуй придумать подарок человеку, у которого все есть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.